

И. Холин

КАК НЕПОСЛУШНАЯ ХРЮШКА ЕДВА НЕ СГОРЕЛА

Подарили
Нашей хрюшке
В день рождения
Игрушки:
Мясорубку,
Скалку, сечку,
Самовар,
Корыто, печку.
Говорит она:
«Хрю-хрю!
Я обед себе
Сварю.
Раз, два, три,
Четыре, пять —
Побегу
Дрова искать».

«Берегись, —
Заметил еж, —
Ты свинарник
Подожжешь.
Видно, ты ослепла,
Хрюшка:
Эта печка ведь —
Игрушка».

Ну, а хрюшке
Горя мало:
В свой свинарник
Прибежала,
Разыскала где-то
Спички
И присела
На крылечке.

Искры вверх летят,
Как птички,
Дым столбом
Валит из печки.
Огонек из дверцы
Скок,—
На окно и на порог.
Завертелся,
Закружился,
Глупой хрюшке
В бок вцепился.
«Ай!
Звери, птицы,
Выручай!
Я сгорю,
Совсем сгорю,
Помогите мне —
Хрю-хрю!»

Ребята! Берегите лес!
Помните, что его злейший враг — огонь.

Говорит тетерке
Крот:
«Кто-то
Где-то
Что-то
Жжет!»
А тетерка
Говорит:
«Это хрюшкин дом
Горит!
На меня садись
Верхом,
Мы пожарных
Позовем!»

Прибежал
Народ лесной:
Кто с лопатой,
Кто с киркой,
Кто с ведром
А кто с багром,—
Мигом справились
С огнем.

**Пусть помнит
каждый гражданин
Пожарный номер:
ноль-один!**

Прилетел
Комар,
Всем известный
Санитар.
Сделал хрюшке
Перевязку,
Посадил в свою
Коляску.
Отвезли ее
В больницу,
Чтоб немного
Подлечиться!
Утки молвили:
«Кря-кря!
Пусть не балуется
Зря!»

Ну, а вам, ребята,
Ясно,
Что с огнем
Шутить опасно?

**Ребята! Не играйте с огнем
и не разрешайте этого своим товарищам!**

П. Голосов

СКАЗКА О ЗАЯЧЬЕМ ТЕРЕМКЕ И ОПАСНОМ КОРОБКЕ

На опушке, всем на зависть,
Теремок поставил Заяц.
Только б жить да поживать,
Фрукты, овощи жевать!

Шумно справив новоселье,
Поутру встает с постели,
Кличет Зайчика-сынка:
— Принеси-ка огонька!

Сын бежит, ушами машет,
Рад, как всякий мальчуган:
Коробок один — папаше,
А другой — к себе в карман.

Не однажды увлеченно
Примечал себе Зайчонок,
Как при виде папирос
Огонек на спичке рос.

Зайка выбежал из дому
Зайка рад сухому дню.
Увидал в углу солому
«Есть где вырасти огню!»

Чиркнул спичечной головкой
О шершавый коробок.
И со спички спрыгнул ловко
На солому огонек.

Пламя зреет, пламя злеет.
Пламя рвется в теремок
Пляшут огненные змеи.
Пробивая потолок.

Через час ли, через два ли —
(На ветру пожары злы!)
Зайца дома не узнали
В куче пепла и золы.

Опалил Зайчонок уши.
Ох, злосчастная судьба!
Так ревел он на опушке —
Даже лопнула губа!

Потерял и хвостик тоже,
Но пошла наука впрок:
Он теперь глядеть не может
На опасный коробок!

Т. Волынский

КОШКИН ДОМ

С каланчи барбос глядит.
Видит: кошкин дом горит
 - Гав-гав-гав! Скорей сюда.
К Мурке в дом пришла беда!

И сказала утка: — Кря!
Я ведро несла не зря.
Я огонь залью водой,
живо справлюсь я с бедой.

В страхе кошка: дом в огне.
— Мяу-мяв... Что делать мне?
Где достать воды сейчас?
Далеко река от нас!

— Мяу! — жалобно пищат
Двое братиков-котят.
До крылечка длинный путь,
Трудно им мешок тянуть.

Отовсюду пламя бьет,
Кошка-мама слезы льет.
— Кто спасет мой новый дом,
Кто же справится с огнем?

Слышит кошка: — Ко-ко-ко,
Я уже недалеко.
Это курочка бежит,
На пожар она спешит.

Мчится, мчится во весь дух
Мимо мельницы петух.
— Ку-ка-ре-ку!.. Помогу
На пожар с багром бегу.

Через поле, через двор
Тащит лестницу Трезор.
Ведь пожарникам она
Обязательно нужна.

На трубу петух взлетел,
Воду лить скорей велел.
Все спасают кошкин дом,
Смело борются с огнем.

Уступил огонь воде,
Даже дыма нет нигде.
Кошка ласково глядит,
Всех друзей благодарит.

Когда без присмотра оставлена печь,
Один уголек целый дом может сжечь!

ГОРИ, ОГОНЬ, В ПЕЧУРОЧКЕ!

(Из русских народных потешек)

У крыльца
Растет трава.
Я колю,
Колю дрова!
Я колю
На чурочки.
Гори, огонь,
В печурочке!
Гори, гори
Жарче, печь!
Будет Дуня
Пышки печь...

ОТЛИЧНЫЕ ПШЕНИЧНЫЕ

(Из шведских детских песенок)

Мы печем пшеничные
Пироги отличные.
Кто придет к нам пробовать
Пироги пшеничные?
Мама, папа, брат, сестра,
Пес лохматый со двора.
И другие, все, кто может,
Пусть приходят с ними тоже.
Тесто замесили мы,
Сахар не забыли мы,
Пироги пшеничные
В печку посадили мы.
Печка весело горит,
Наша мама говорит:
— Крошки, что останутся,
Воробью достанутся.

С. Маршак

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

(Отрывок)

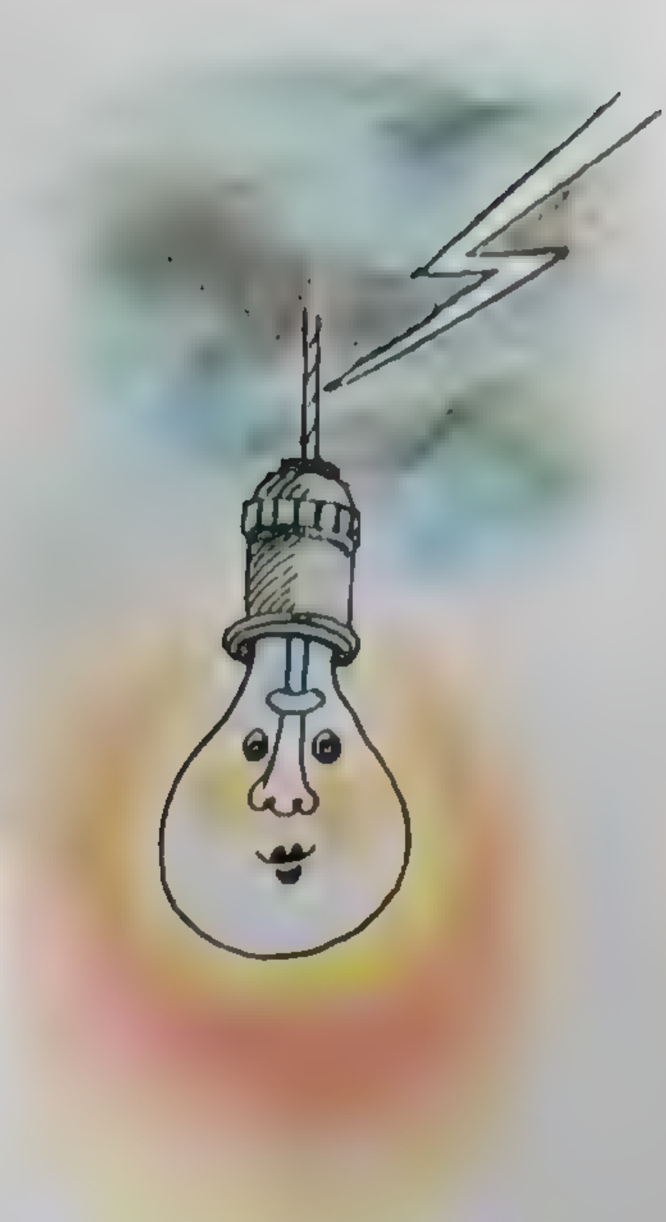
Лампа плакала в углу
За дровами на полу:
— Я голодная,
Я холодная,
Высыхает мой фитиль.
На стекле густая пыль.
Почему —
Я не пойму —
Не нужна я никому.

А бывало, зажигали
Ранним вечером меня.
В окна бабочки влетали
И кружились у огня.

Я глядела сонным взглядом
Сквозь туманный абажур,
И шумел со мною рядом
Старый медный балагур.

Познакомилась в столовой
Я сегодня с лампой новой.
Говорили, будто в ней
Пятьдесят горит свечей.

Ну и лампа! На́ смех курам!
Пузырек под абажуром.
В середине пузырька
Три-четыре волоска.

Говорю я: — Вы откуда,
Непонятная посуда?
Любопытно посмотреть,
Как вы будете гореть.
Пузырек у вас запаян, —
Как зажжет его хозяин?

А гражданка мне в ответ
Говорит: — Вам дела нет!

Я, конечно, загудела:
— Почему же нет мне дела?
В этом доме десять лет
Я давала людям свет
И ни разу не коптела!
Почему же нет мне дела?

Да при этом — говорю, —
Я без хитрости горю,
По старинке, по привычке
Зажигаюсь я от спички,
Вот как свечка или печь.
Ну, а вас нельзя зажечь.

Вы, гражданка, — самозванка!
Вы не лампочка, а склянка!

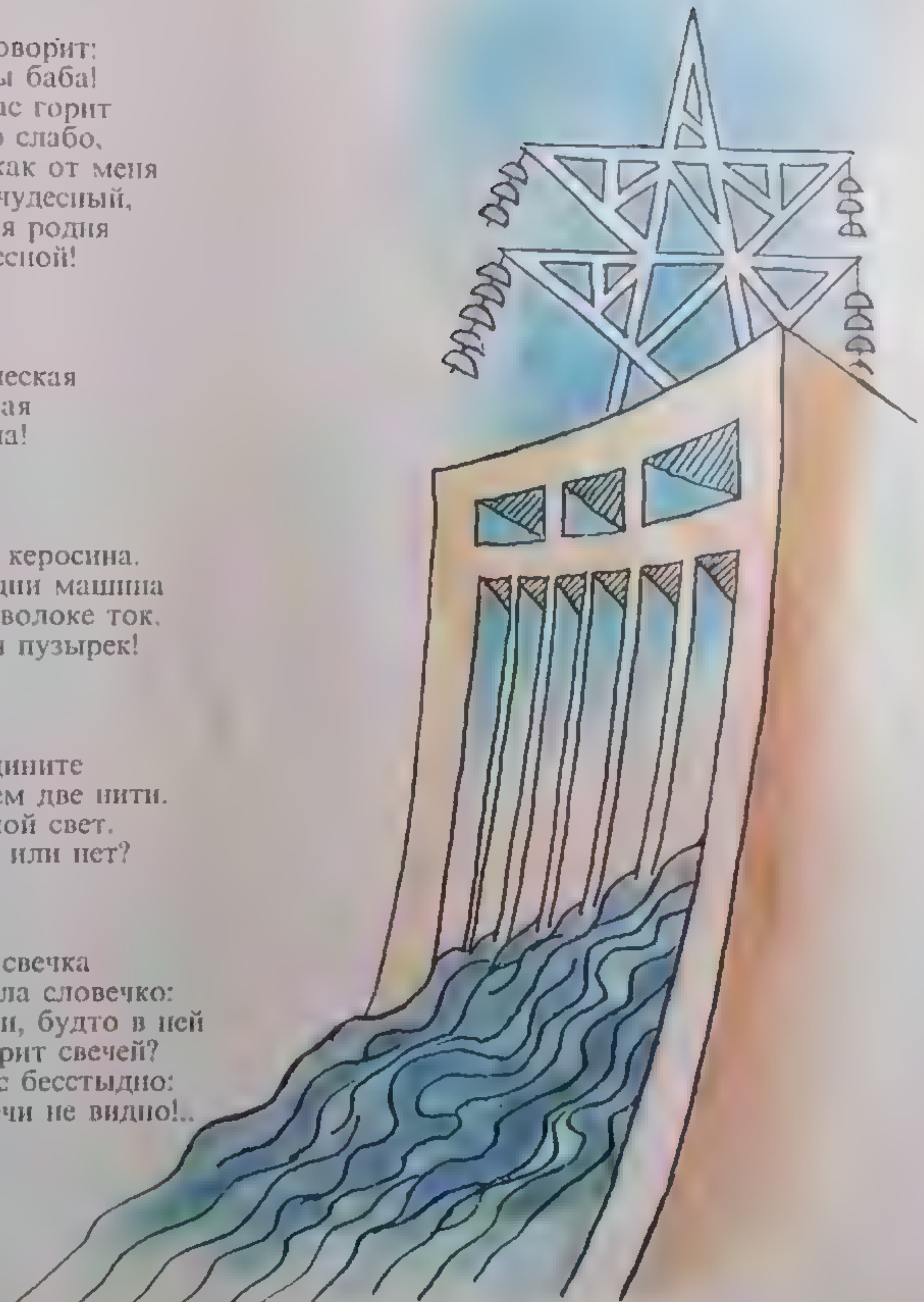
А она мне говорит:
Глупая вы баба!
Фитилек у вас горит
Чрезвычайно слабо,
Между тем как от меня
Льется свет чудесный,
Потому что я родня
Молнии небесной!

Я — электрическая
Экономическая
Лампа!

Мне не надо керосина.
Мне со станции машина
Шлет по проволоке ток.
Не простой я пузырек!

Если вы соедините
Выключателем две нити,
Зажигается мой свет.
Вам понятно или нет?

Стеариновая свечка
Робко вставила словечко:
— Вы сказали, будто в ней
Пятьдесят горит свечей?
Обманули вас бесстыдно:
Ни одной свечи не видно!..

А. Жигулин

ПОЖАРЫ

Века проходили. Дрожали
Осины у балки степной...
Пожары, пожары, пожары
Терзали мой город родной!..

Блестящими саблями вспорот
Над ветхими кровлями мрак.
Пылает бревенчатый город.
Скотина ревет во дворах.

Пылает Тайницкая башня.
В реке головешки шипят.
Звучит одиноко и страшно,
Уносится в степи набат.

Умчались татарские кони,
На гарях поднялись леса...
Молясь чудотворной иконе,
Творят мужики чудеса.

И снова над желтым обрывом,
Как в сказке — огнем не сожжен,
Стоит городок горделиво,
Добротной степой окружен.

В дозоре врага проворонишь
С булатом схлестнется булат
И вновь полыхает Воронеж,
Удушливым дымом объят

И вот уж над речкою чистой
Над древним Острожным бугр…
Вдруг треснул винтовочный в…
Спугнув с колокольни ворон

Я помню, как с воздуха вор…
Кварталы огнем окропил,
Ломает в отчаянье город
Горящие руки стропил.

И в месиве черных воронок,
В тяжелой, клубящейся мгле
Кричит, задыхаясь, ребенок,
Всем взрослым кричит на земле

Кричит он:
— Придите! Спасите!
Разбейте обломки стены!
...Везде
навсегда
погасите
Жестокое пламя войны!

Ю. Яковлев

КТО О ЧЕМ ПОЕТ

О чем поет звонок
В своем гнезде над дверью?
О чем поет звонок?
Пойду-ка я проверю.

«Скорей!
Скорей!
Скорей!—
Поет звонок упрямо.—
Не может долго ждать
За дверью телеграмма!»

И я спешу к дверям,
Едва заслышав пение,
Покуда у звонка
Не лопнуло терпение.

Не выдержал — запел
На плитке старый чайник,
Хотя среди кастрюль
Он важный, как начальник.

«Я чаем напою!
Я вас согрею жаром!»
И песенка его
Клубится белым паром.

Он песенку поет
Со всей душою чайной.
И снять его с огня
Он требует отчаянно.

И петли у дверей
Поют, как будто в сказке.
Поют они о том,
Как плохо жить без смазки.

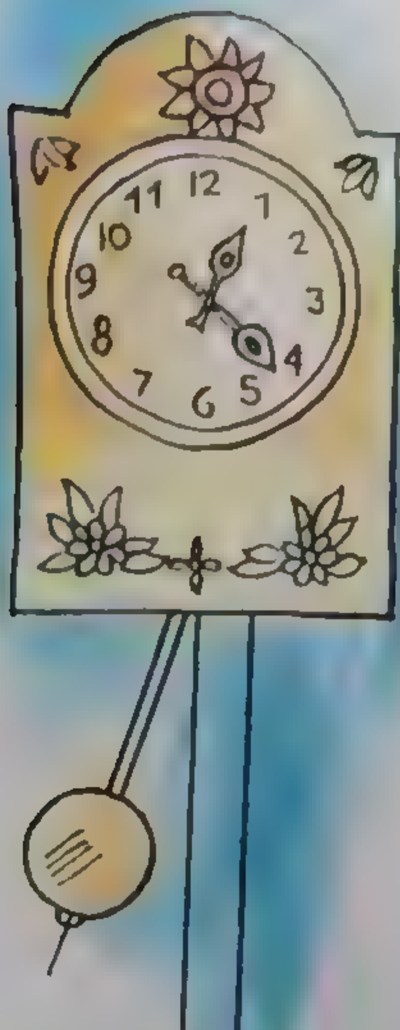
«Лишь только масла мы
От вас, друзья, получим,
Не будем досаждать
Вам пением скрипучим!»

Масленку разыщи
И с помощью не медли:
Нехорошо, когда
Поют дверные петли.

Запела под ногой
Сухая половица.
Обычная доска,
А вот поет, как птица.

Наверно, рассказать
Вам хочет, напевая,
Что очень ей к лицу
Мастика восковая.

А может быть, она
Вам песенкой внушает,
Что ноги вытирать
У входа не мешает.

Чугунная труба
Поет на кухне глухо.
Все говорят:
«Медведь
Ей наступил на ухо!»

О чем поет труба,
Труба водопровода?
Известно, что она
Всегда поет про воду.

«Хотите — напою,
Хотите — вас умою!
Все краны в жаркий день
Я с радостью открою!»

Поют, поют часы
Густым солидным басом.
И песенка часов
Длиннее с каждым часом.

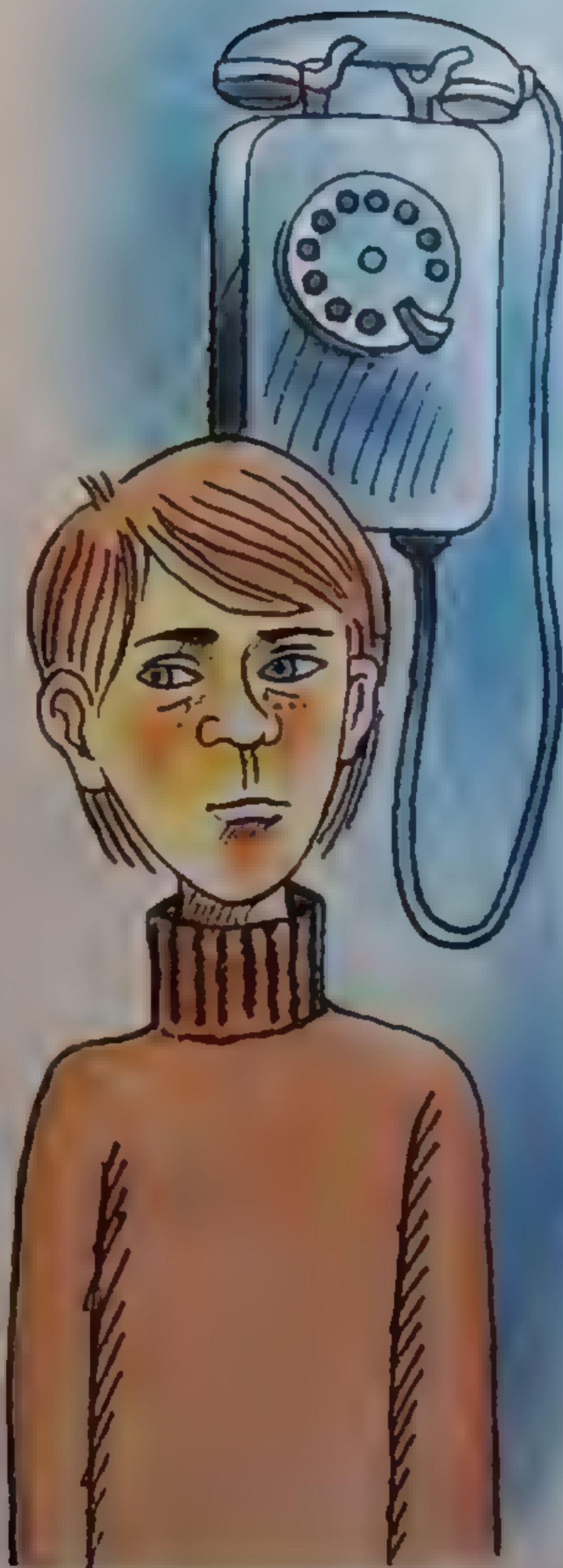
О чем поют часы?
Они поют:
«Спешите,
Делите,
Умножайте,
Читайте и пишите!»

На стенке телефон
Поет, как заведенный,
Хоть уши затыкай
От песни телефонной.

«Откликнись поскорей,—
Поет он энергично.—
Твой друг поговорить
С тобой желает лично!»

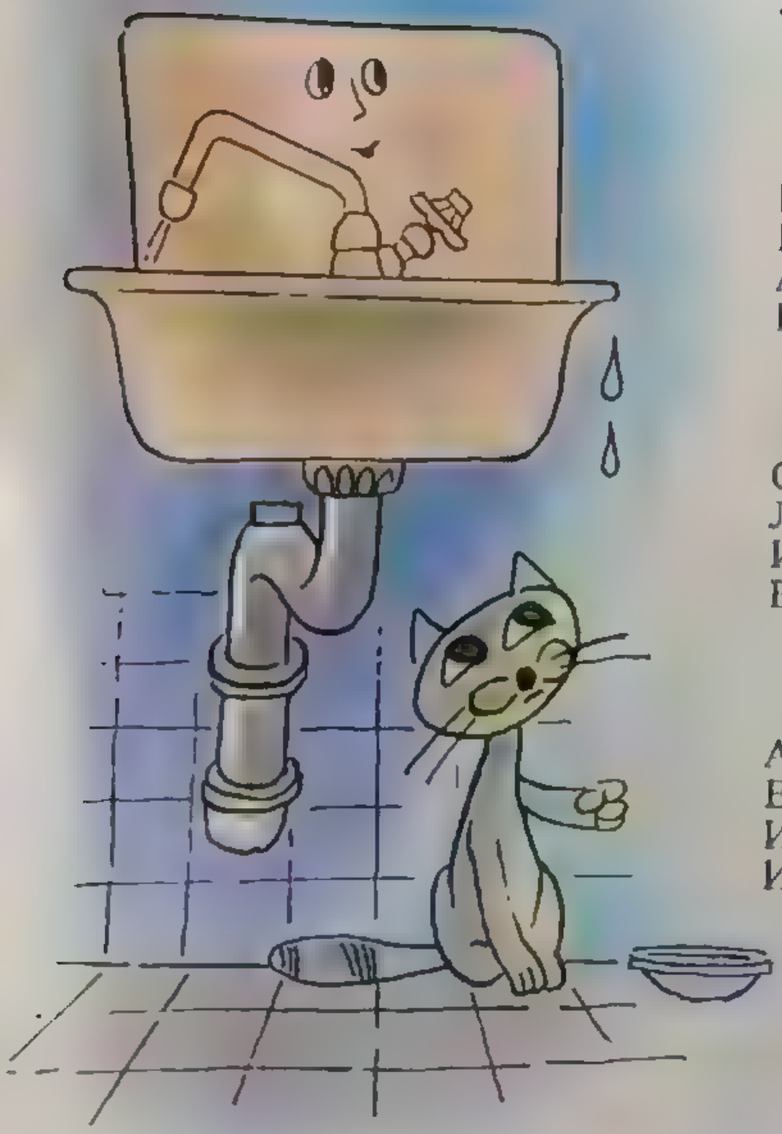
Мы с другом говорим,
А телефону впору
Молчать
И не мешать
Людскому разговору.

О чем поет огонь,
Гуляя по поленьям?
О том, что занят он
Не только отопленьем.

Что булки он печет
И варит суп с лапшою,
Что расположен к вам
Всей пламенной душою.

Без ругани и ссор
Живет огонь в квартире,
Лишь просит об одном:
Чтоб вы с ним не шутили.

Поет огонь весь день
В своем наряде алом,
А ночью спит в золе,
Под черным одеялом.

Он красный свой костюм,
Ложась в постель, снимает.
И ветер на трубе
Всю ночь ему играет.

А утром на заре
Его разбудят спички.
И снова он поет
И жжется по привычке.

Е. Ильин

СОЛНЕЧНЫЙ ФАКЕЛ

Он всегда бывает разным
Удивительный огонь.
То буяном безобразным
То тихоней из тихонь.
То он змейкой торопливой
По сухой скользит коре
То косматой рыжей гривой
Полыхает на заре
Вот на спичке, как на ветке
Голубой дрожит листок
Вот, ломая прутья клетки.
Хищник делает бросок!

Да, огонь бывает разный
Бледно-желтый, ярко-красный.
Синий или золотой,
Очень добрый,
Очень злой.
Злой огонь — огонь пожара,
Злой огонь — огонь войны!
От безжалостного жара
Дни темны,
Поля черны.

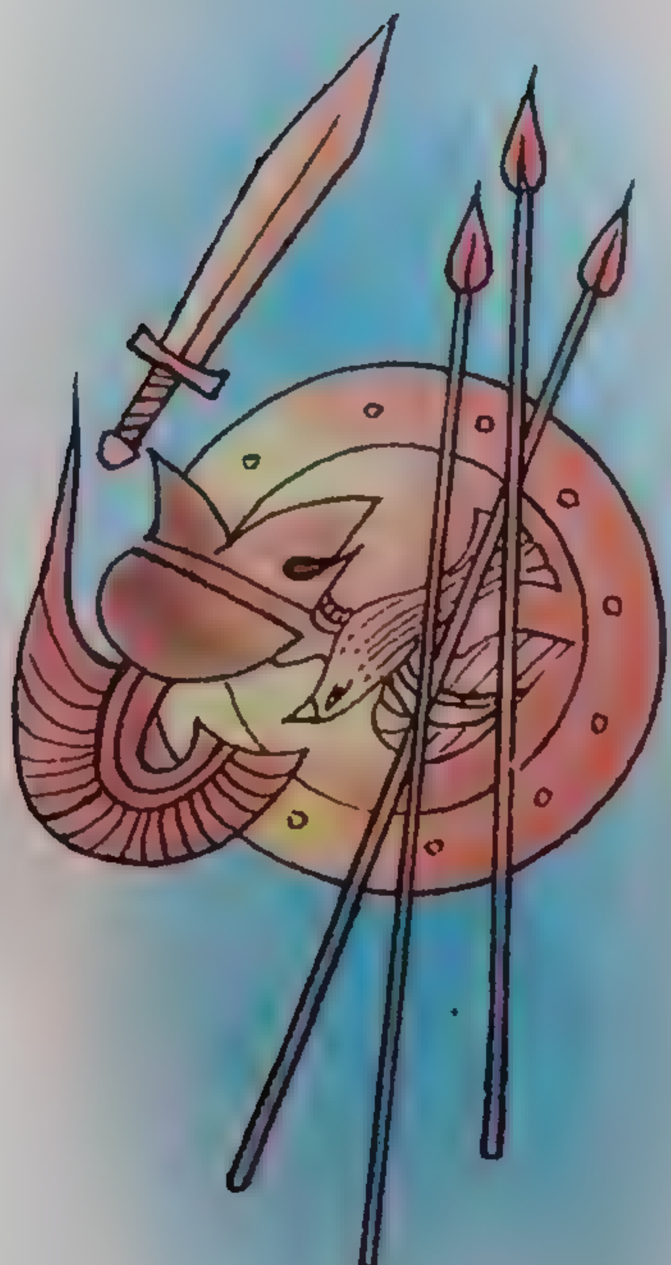
Жители земного шара,
Граждане любой страны
Злой огонь
Гасить должны!

А без доброго огня
Обойтись нельзя и дня.
Он надежно дружит с нами,
Гонит холод, гонит мрак.
Он приветливое пламя
Поднимает, будто флаг.
Всем огонь хороший нужен.
И за то ему почет,
Что ребятам греет ужин,
Режет сталь
И хлеб печет.

Ну, а раз в четыре года
Делом занят он другим —
В синем море небосвода
Плещет парусом тугим
И летит над стадионом,
Как манящая рука,
Чтобы многим миллионам
Знак подать издалека.
Чтоб позвать на праздник смелых,
Сильных, доблестных людей —
Красных, желтых, черных, белых
Сыновей планеты всей,
Всей планеты дочерей.

Мы огню такому рады.
Виден он с любых орбит.
Добрый знак Олимпиады,
Факел солнечный горит

В старину, в античном мире
Двадцать пять веков назад
Города не жили в мире,
Шел войной на брата брат
И мудрейшие решили:
Ссоры вечные страшны,
Можно в смелости и силе
Состязаться без войны.

Пусть в Олимпию прибудет
Кто отважен и силен,
Для сражений мирных будет
«Полем боя» стадион.
Так мудрейшие решили,
И с трибун народ смотрел:
Бегуны, не хороши ли,—
К цели мчат, как туча стрел!

А борцы, не молодцы ли,—
Погляди, какая стать!
Руки крепкие сцепили —
Лишь победе их разнять!
Боевые колесницы
Завершают мирный спор.
«Славьтесь, славьтесь, олимпийцы!» –
Возглашает дружный хор.

Был простой венок зеленый
Из оливковых ветвей
Драгоценней, чем короны
Всех воинственных царей.
Потому, что не воитель
Получал венок такой,
А достойный победитель
И действительно герой.
Не хотел он сеять горе,
Побежденному грозя,
Для него в спортивном споре
Все соперники — друзья!

Мир — закон Олимпиады,
И никто не мог посметь
В эти дни скликать отряды,
Жечь дома и сеять смерть.
С Древней Греции, с Эллады,
Взял пример и новый век.
Возродил Олимпиады
Современный человек.
Хорошо всех стран посланцам
Собираться, спорт любя,
И никто здесь иностранцем
Не почувствует себя.

А для тех, кто в поле, в зале,
Кто в бассейне первым стал,—
Олимпийские медали,
Олимпийский пьедестал!

Сердце радостнее бьется,
Если, гордо взмыв в зенит,
Флаг твоей Отчизны вьется
И победно гимн звучит.

Этот праздник в разных странах
Люди в комнатах своих
Видят на телеэкранах —
Значит, праздник и у них!
Над дорожкой беговою,
Над взлетевшим ввысь копьем,
Над зеленою травою,
Над футбольным вратарем,
Над мальчишкой и над взрослым,
Над конем, над седоком,
Над кольцом,
Над самым рослым
Баскетбольным игроком,
Над высокими домами,
Выше ночи, выше дня
Расправляет крылья пламя
Олимпийского огня!

Славит дружбу каждой искрой
Пламя яркое — взгляни!
Пламя в чаше олимпийской
Солнцу доброму сродни.
Хорошо, что над планетой
Факел солнечный зажжен,
Пусть счастливою приметой
Для планеты будет он!

12

Время мчится, будто птица,
И, наверно, в добрый час
В гордой форме олимпийца
Выйдет кто-нибудь из вас.
И совсем обычным тоном
Скажут сверстники о нем:
 С олимпийским чемпионом
Мы в одном дворе живем!

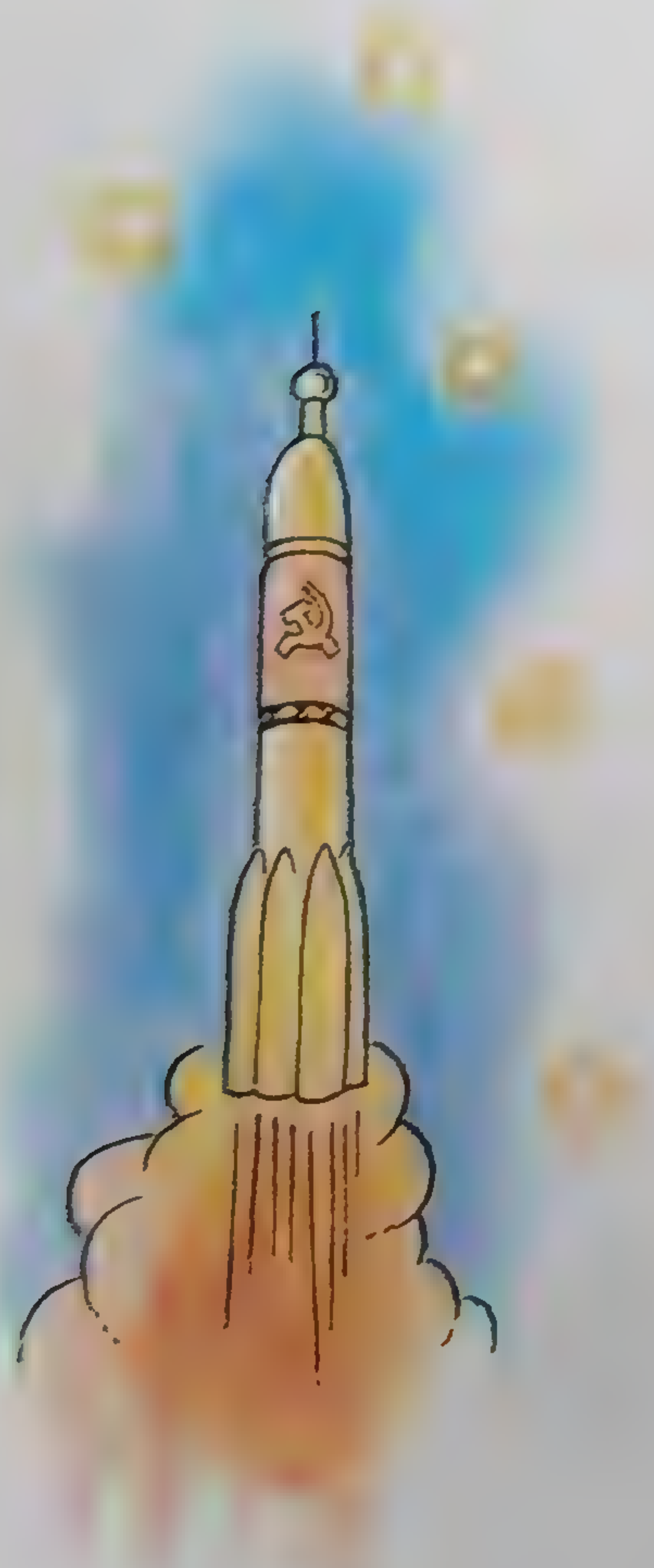
Кто мечтает не украдкой,
А готовится всерьез —
Занимается зарядкой,
Закаляется в мороз,
Чтобы выглядеть как надо,
Чтоб иметь спортивный вид.
Впереди — Олимпиада,
Факел солнечный горит!

Л. Куклин

СТАЛЕВАР

Он в куртке жесткой, как броня
Весь день проводит у огня.
Он варит сталь —
Недаром
Зовется сталеваром!

В огромной печи сталь кипит
И пышит жаром жгучим.
Она сверкает и слепит,
Как солнце из-за тучи!

А сталевар следит в «глазок»,
В особое оконце:
Когда наступит нужный срок, —
Он выпускает солнце!

И вот из печи сталь бежит
Струей живой и быстрой,
Она пылает и шипит,
И рассыпает искры!

Но мастер огненной реки
Нисколько не боится:
Глядит сквозь темные очки
И машет рукавицей

Рекою управляет,
Сталь в формы направляет
Когда остынет в формах сталь.
Любую делайте деталь!

КУЗНЕЦ

Молоток и слиток стали
Взял кузнец умело
И по кузне от металла
Пламя полетело.

По болванке молот бьется,
И металл послушно
Разгибается и гнется,
Так, как парню нужно.

В. Агеев

ОПУСТИЛ ЩИТОК ПАРНИШКА

Опустил щиток парнишка,
Рукавицы натянул,
Электрической дугою,
Будто солнцем, полыхнул.

Два бруса́ стальных навечно
Сшил, сварил — не разорвать!
Этой балке поперечной
Сотни лет теперь лежать.

Пляшет пламя, шов ровняя,
Брызжут искры вдаль и ввысь..
От его работы звезды
Восхищением зажглись.

Приподняв щиток, мгновенно
Заменяет электрод...
Деловой, простой, степенный,
Добрый сварщики народ!

Т. Дмитриев

ТЕТЯ ВАРЯ ЭЛЕКТРОСВАРЩИЦА

Вот какая тетя Варя!
И металл с металлом сварит.
Как портниха,
Шовчик тонкий
Красной ниточкой строчит,
А на кончике иголки
Ярко звездочка горит.

К. Зуев

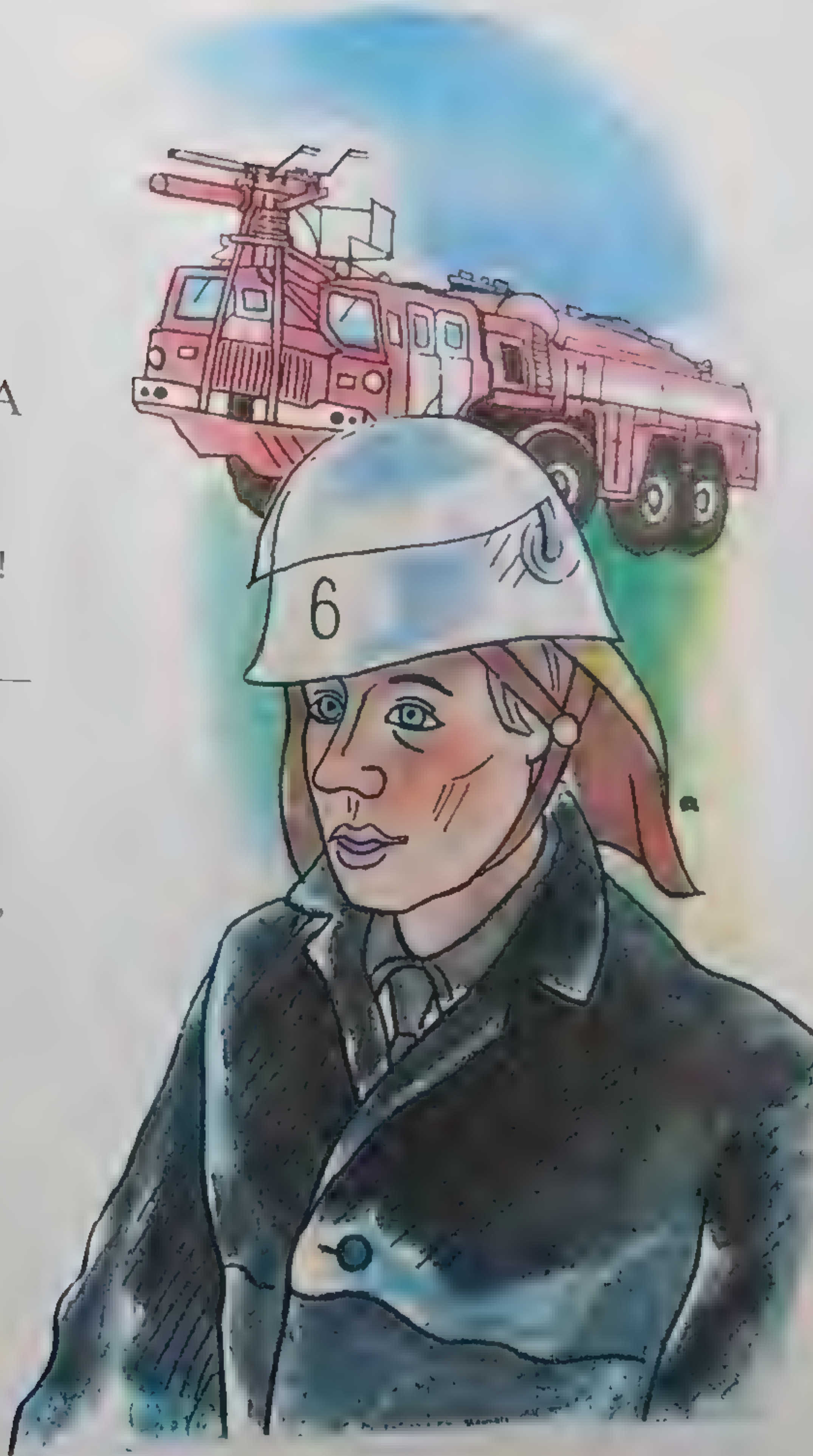
МАШИНУ ПРОВЕРЯЮ

Машину проверяю,
Всегда готова в бой,—
Я каждый винт ласкаю
Заботливой рукой.
У фар такие взоры —
Светлее не найти...
Мигают светофоры
Приветливо в пути.
И нет машин чудесней
Красавицы моей.
Мотор поет мне песню:
«Быстрей, быстрей, быстрей!

На бой с врагом коварным.
Нам дорог каждый дом.
Мы, воины-пожарные,
Столицу бережем!»

К. Оленев

КРАСНАЯ МАШИНА

Мчится красная машина,
Все быстрей, быстрей, вперед!
Командир сидит в кабине
И секундам счет ведет.
— Поднажми еще немножко,—
Он шоферу говорит.—
Видишь в пламени окошко?
Это дом жилой горит.
Может, там остались дети,
Люди ждут с надеждой нас...
— Ясно все,— шофер ответил,
Дав машине полный газ.

Л. Куклин

ПОЖАРНЫЙ

При пожаре,
При пожаре,
Знает каждый гражданин,
При пожаре,
При пожаре
Набирают «ноль-один»!
И вот машины красные
Спешат в места опасные,
Прохожие сторонятся
Пожарные торопятся!
Огонь бежит по крыше,
Огонь все выше, выше!

Но прямо в дым угарный
Шагнул боец-пожарный!
И не страшна жара ему,
Он борется с огнем:
На нем ремень брезентовый,
Топорик за ремнем.
Особый,
Несгораемый
Костюм надет на нем!
За ним его товарищи
В огонь и дым любой
Идут в пожар-пожарище,
Как воины на бой!

С. Михалков

ДЯДЯ СТЁПА

(Отрывок)

[illegible]
[illegible]

Дом пылает за углом,
Сто зевак стоят кругом.
Ставит лестницы команда,
От огня спасает дом.

Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.

На дворе в толпе ребят
Дяде Стёпе говорят:
— Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?

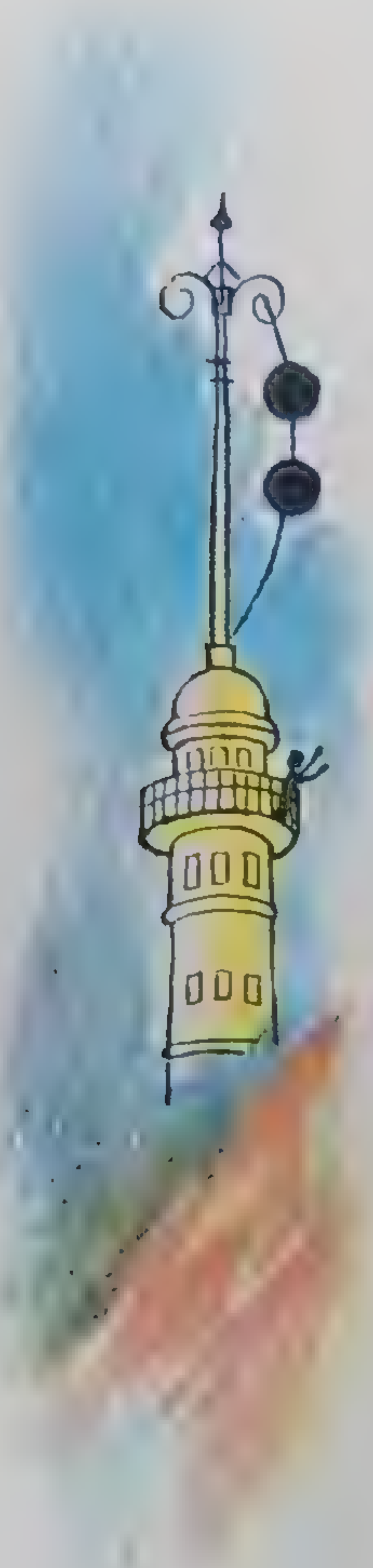
Дядя Стёпа с тротуара
Достаёт до чердака.
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Когда без присмотра оставлена печь,
Один уголёк целый дом может сжечь!

Он окошко открывает
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними — воробей.

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

С. Маршак

ПОЖАР

На площади базарной,
На каланче пожарной
Круглые сутки
Дозорный у будки
Поглядывал вокруг —
        На север,
        На юг,
        На запад,
        На восток, —
Не виден ли дымок.

И если видел он пожар,
Плывущий дым угарный,
Он поднимал сигнальный шар
Над каланчой пожарной.

И два шара,
И три шара
Взвивались вверх, бывало.
И вот с пожарного двора
Команда выезжала.

Тревожный звон будил народ,
Дрожала мостовая.
И мчалась с грохотом вперед
Команда удалая.

Теперь не надо каланчи,
Звони по телефону
И о пожаре сообщи
Ближайшему району.

Пусть помнит каждый гражданин
Пожарный номер: ноль-один!

В районе есть бетонный дом,
В три этажа и выше,
С большим двором и гаражом
И с вышкою на крыше.

Сменяясь, в верхнем этаже
Пожарные сидят.
А их машины в гараже
Мотором в дверь глядят.

Чуть только — ночью или днем —
Дадут сигнал тревоги,
Лихой отряд борцов с огнем
Несется по дороге...

Мать на рынок уходила,
Дочке Лене говорила:
- Печку, Леночка, не тронь.
Жжется, Леночка, огонь!

Только мать сошла с крылечка,
Лена села перед печкой,
В щелку красную глядит,
А в печи огонь гудит.

Приоткрыла дверцу Лена —
Соскочил огонь с полена,
Перед печкой выжег пол,
Влез по скатерти на стол,

Побежал по стульям с треском,
Вверх пополз по занавескам,
Стены дымом заволок,
Лижет пол и потолок.

Но пожарные узнали,
Где горит, в каком квартале.
Командир сигнал дает,
И сейчас же — в миг единый —
Вырываются машины
Из распахнутых ворот.

Вдаль несутся с гулким звоном
Им в пути помехи нет.
И сменяется зеленым
Перед ними красный свет.

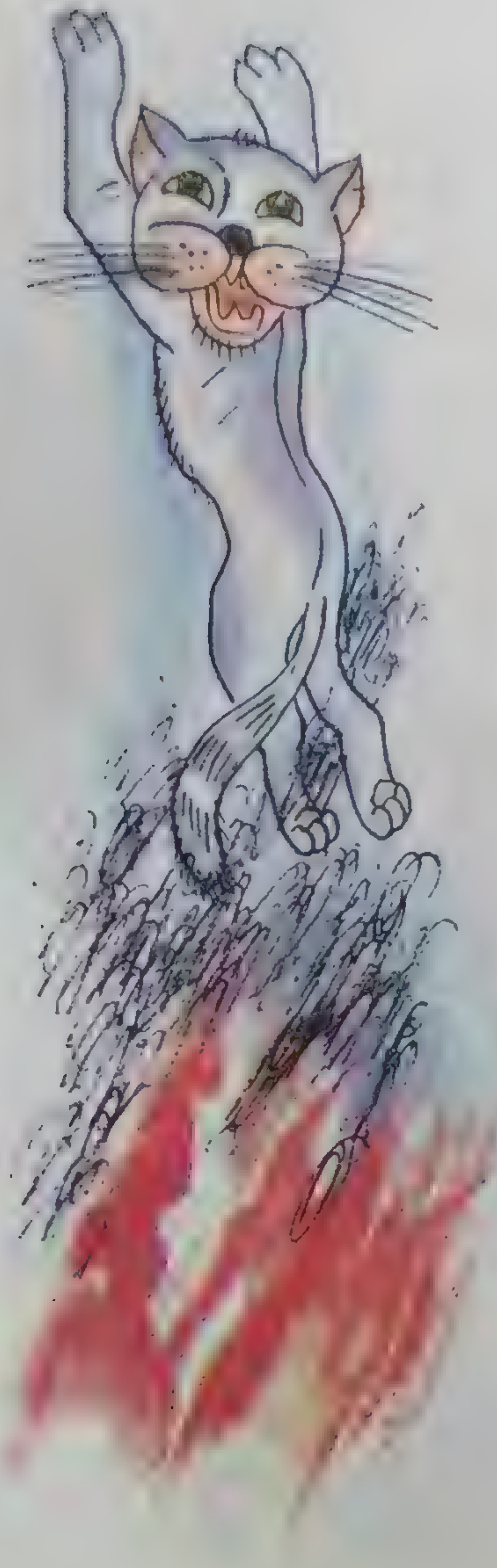
В пять минут автомобили
До пожара докатили,
Стали строем у ворот,
Подключили шланг упругий,
И, раздувшись от натуги,
Он забил, как пулемет.

Заклубился дым угарный.
Гарью комната полна.
На руках Кузьма-пожарный
Вынес Лену из окна.

Он, Кузьма,— пожарный старый,
Двадцать лет тушил пожары,
Сорок душ от смерти спас,
Падал с крыши десять раз.

Ничего он не боится,
Надевает рукавицы,
Смело лезет по стене.
Каска светится в окне.

Вдруг на крыше из-под балки
Чей-то крик раздался жалкий
И огню наперерез
На чердак Кузьма полез.

Сунул голову в окошко.
Поглядел...— Да это кошка!
Пропадешь ты здесь в огне.
Полезай в карман ко мне!..

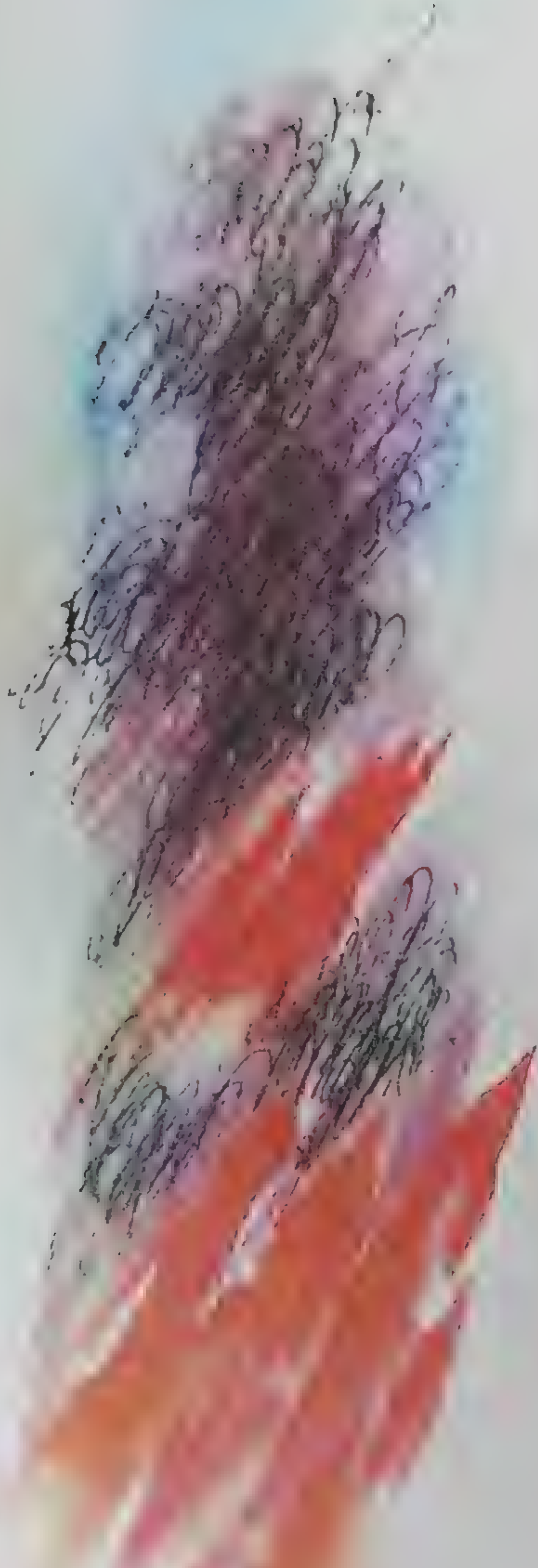
Широко бушует пламя...
Разметавшись языками,
Лижет ближние дома.
Отбивается Кузьма.

Ищет в пламени дорогу,
Кличет младших на подмогу,
И спешат к нему на зов
Трое рослых молодцов.

Топорами балки рушат,
Из брандспойтов пламя тушат.
Черным облаком густым
Под ногами вьется дым.

Пламя ежится и злится,
Убегает, как лисица.
А струя издалека
Гонит зверя с чердака.

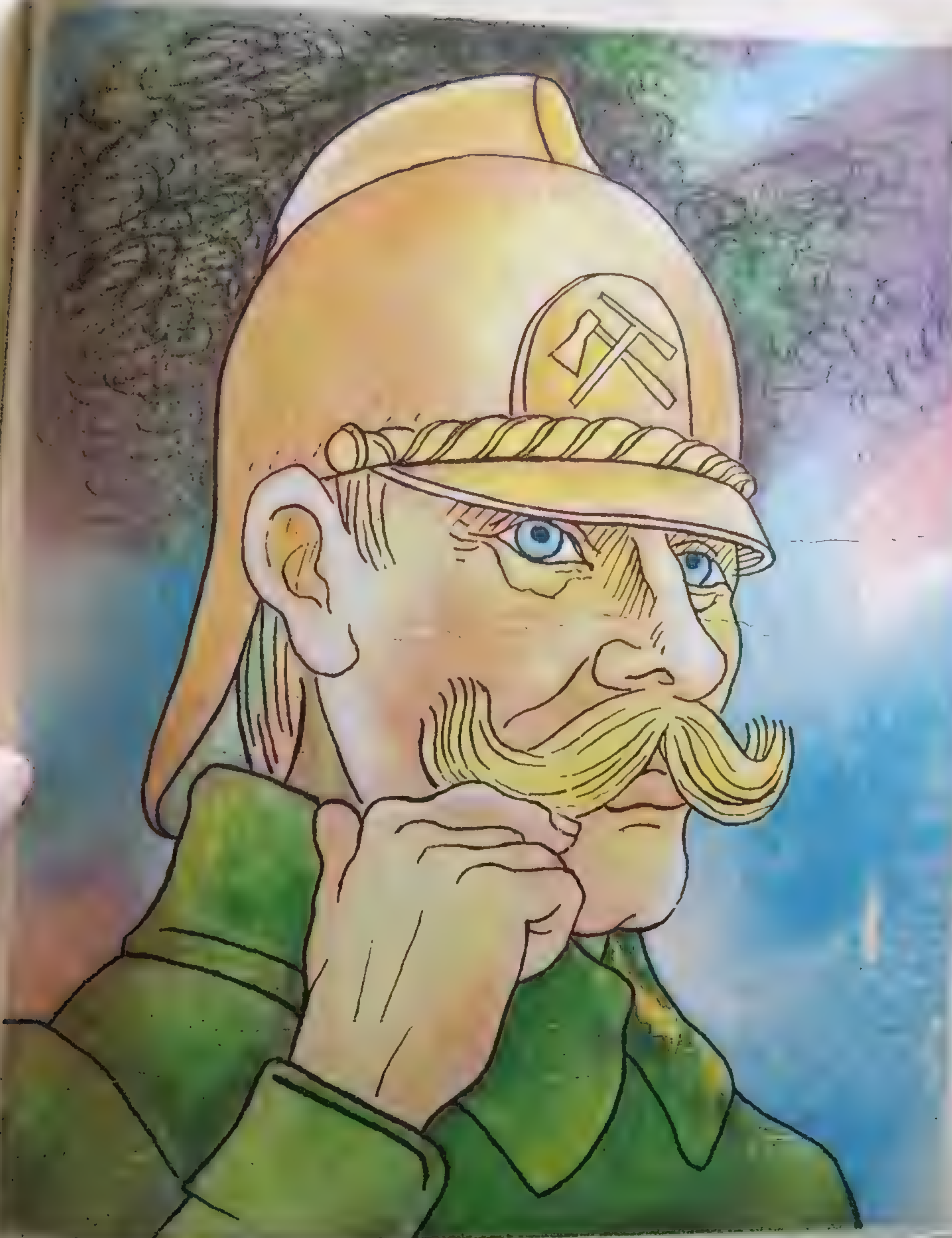

Вот уж бревна почернели
Злой огонь шипит из щели:
— Пощади меня, Кузьма,
Я не буду жечь дома!

— Замолчи, огонь коварный! —
Говорит ему пожарный. —
Покажу тебе Кузьму!
Посажу тебя в тюрьму!
Оставайся только в печке,
В старой лампе и на свечке!

На скамейке у ворот
Лена горько слезы льет.
На панели перед домом
Стол, и стулья, и кровать...
Отправляются к знакомым
Лена с мамой ночевать.

Плачет девочка навзрыд,
А Кузьма ей говорит:
— Не зальешь огня слезами,
Мы водой потушим пламя
Будешь жить да поживать.
Только, чур,— не поджигать!

[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Вот Кузьма в помятой каске.
Голова его в повязке.
Лоб в крови, подбитый глаз, —
Да ему не в первый раз.

Поработал он недаром —
Славно справился с пожаром!

РАССКАЗ О НЕИЗВЕСТНОМ ГЕРОЕ

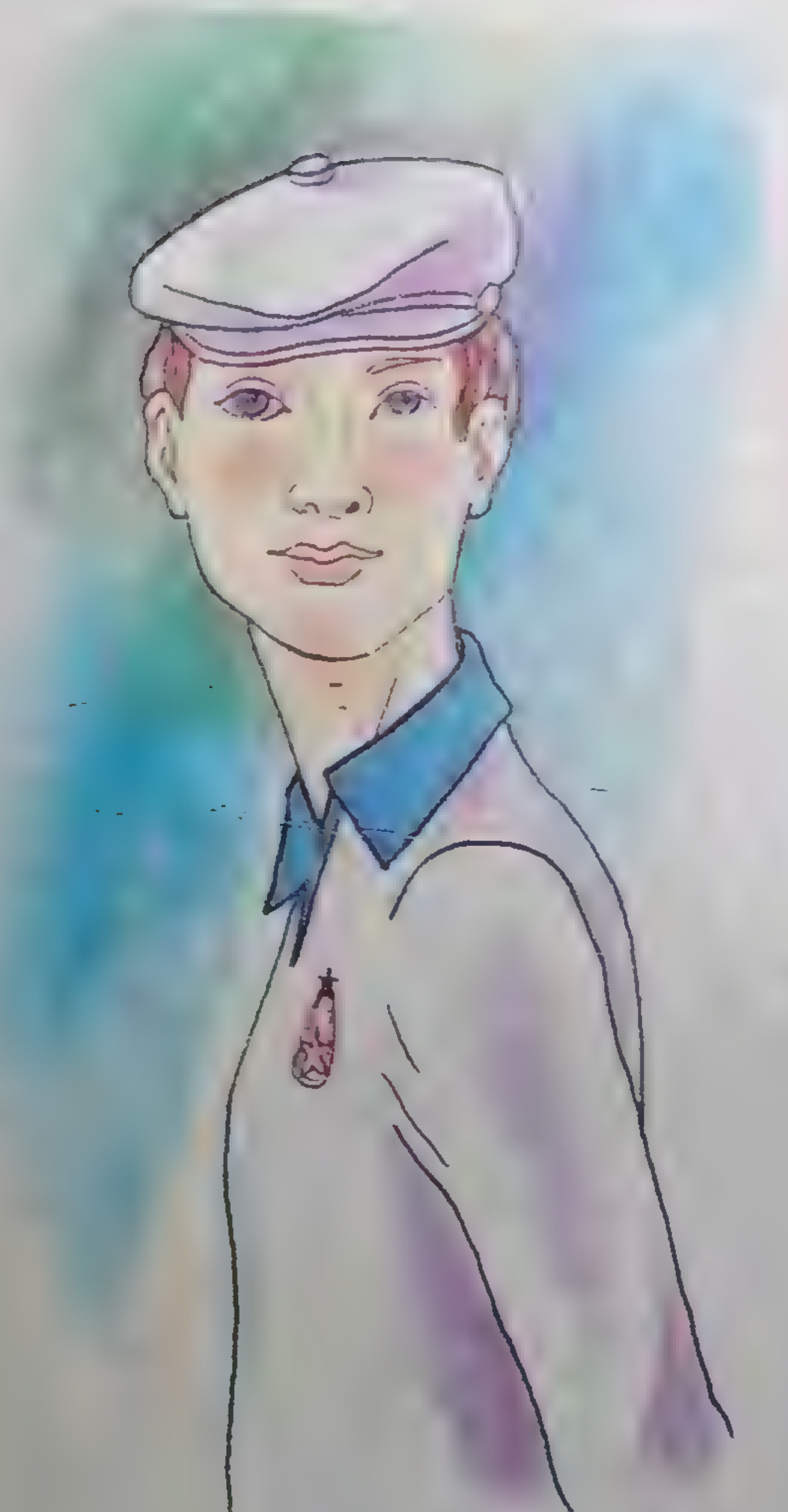
Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице.
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.

Многие парни
Плечисты и крепки.
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же значков —
Каждый
К труду-обороне
Готов!

Кто же,
Откуда
И что он за птица —
Парень,
Которого
Ищет столица?
Что натворил он
И в чем виноват?
Вот что в народе
О нем говорят.

Ехал
Один
Гражданин
По Москве —

Белая кепка
На голове,
Ехал весной
На площадке трамвая,
Что-то под грохот колес
Напевая...

Вдруг он увидел —
Напротив
В окне
Мечется кто-то
В дыму и огне.

Много столпилось
Людей на панели.
Люди в тревоге
Под крышу смотрели:
Там из окошка
Сквозь огненный дым
Руки
Ребенок
Протягивал к ним.

Даром минуты одной
Не теряя,
Бросился парень
С площадки трамвая —
Автомобилю
Наперерез —
И по трубе
Водосточной
Полез.

Третий этаж,
И четвертый,
И пятый...
Вот и последний.
Пожаром объятый.
Черного дыма
Висит пелена
Рвется наружу
Огонь из окна.

Надо еще
Подтянуться немножко.
Парень.
Слабея.
Дополз до окошка,
Встал,
Задыхаясь в дыму,
На карниз,
Девочку взял
И спускается вниз.

Вот ухватился
Рукой
За колонку.
Вот по карнизу
Шагнул он к балкону...

Еле стоит
На карнизе нога.
А до балкона
Четыре шага.

Видели люди,
Смотревшие снизу,
Как осторожно
Он шел по карнизу...
Вот он прошел
Половину
Пути.
Надо еще половину
Пройти.

Шаг. Остановка.
Другой. Остановка.
Вот до балкона
Добрался он ловко,
Через железный
Барьер перелез,
Двери открыл
И в квартире исчез...

С дымом мешается
Облако пыли.
Мчатся пожарные
Автомобили,
Щелкают звонко,
Тревожно свистят,
Медные каски
Рядами блестят.

Миг — и рассыпались
Медные каски.
Лестницы выросли
Быстро, как в сказке.
Люди в брезенте —
Один за другим —
Лезут
По лестницам
В пламя и дым...

Пламя
Сменяется
Чадом угарным.
Гонит насос
Водяную струю.
Женщина,
Плача,
Подходит
К пожарным:
— Девочку,
Дочку
Спасите
Мою!

— Нет,—
Отвечают
Пожарные
Дружно,—
Девочка в здании
Не обнаружена.
Все этажи
Мы сейчас обошли.
Но никого
До сих пор
Не нашли!

Вдруг из ворот
Обгоревшего дома
Вышел
Один
Гражданин
Незнакомый.
Рыжий от ржавчины,
Весь в синяках
Девочку
Крепко
Держал он в руках.

Дочка заплакала,
Мать обнимая.
Парень вскочил
На подножку трамвая,
Тенью мелькнул
За вагонным стеклом,
Кепкой махнул
И пропал за углом...

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.

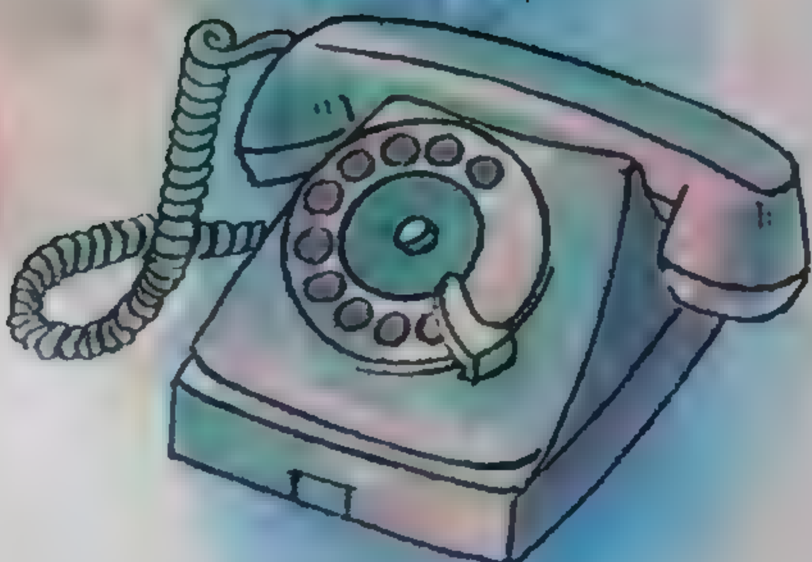
Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же
Значков.
К славному подвигу
Каждый
Готов!

Е. Новичихин

НОЛЬ-ОДИН

С утра у Андрюшки
Забота опять:
А чем бы развлечься?
А как поиграть?

Сломал карабин,
Надоел самокат...
А вон телефонный
Стоит аппарат!
— Годится игрушка!—
И трубку берет.—
С чего там — с нуля
Начинается счет?

А вслед за нулем
Единицу набрал
И в трубке услышал
Далекий сигнал.

01

Пожарная служба
Всегда начеку.
— Алло! Говорите! —
А в трубке:
— Ку-ку!

Звонок раздается
Опять и опять —
Андрюшке понравилось
Очень играть.

И слышится в трубке
Не раз и не два —
То «мяу!»,
То «гав!»,
То «му-му!»,
То «ква-ква!»

А где-то поблизости
Пламя клубится,
А кто-то не может
Никак дозвониться.

Уже догорают
Стена и подвал,
Но: — Занято! —
В трубке
Короткий сигнал...

Мальчишки,
Девчонки,
И глупый Андрюшка,-
Запомните все:
Телефон — не игрушка!

Пожарная служба
Готова к подмоге,
Но лучше всего
Не случаться беде.
Свободен будь,
Номер
Пожарной тревоги,—
Всегда и везде!

В. Поликутин

АНТОШКА

Спичкою Антошка
чиркнул и пошел:
Сам Антошка — крошка,
а пожар — большой.

Е. Хоринская

СПИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Кто, ребята, знает Вову?
Драчуна, лгунишку, реву?
Он при маме из дверей —
Спички в руки, руки в брюки,
И на улицу скорей.

Он позвал своих друзей:
— Шурка, Витька, поскорей!
Вот играть-то где, ребята!
Чур, девчонок звать не надо.

Дал приказ он Шуре с Витей:
— На средину все гребите!
Собирайте в кучу сор,
Мы зажжем сейчас костер!

Вот он влез на сеновал,
Заглянул потом в подвал,
И в сарай, и под навес,
И на крышу тоже влез,
С крыши прямо на чердак —
Запущенье здесь и мрак...

И чего тут только нет:
Чей-то старый табурет,
Доски, ящики, кадушки,
Веники, щепа и стружки.

— Можем мы костер разжечь,
Стружки нечего беречь!
Поиграем, а потом
Все затушим и пойдем.

Вова быстро чиркнул спичкой,
И вспорхнуло пламя птичкой,
Красной струйкой завилось,
Поскакало, понеслось.

Больше пламя, выше пламя!
— Ой, боюсь, сгорим мы сами! —
И ребята со всех ног
Поскорее наутек.

Ростом спичка — невеличка.
Не смотрите, что мала:
Эта маленькая спичка
Может сделать много зла.

Крепко помните, друзья,
Что с огнем шутить нельзя!

Е. Новичихин

СПИЧКИ

Живут на кухне спички,
Спички-невелички,
Спички-невелички —
Близнецы-сестрички.
Все — черноголовые,
Мне помочь готовые.

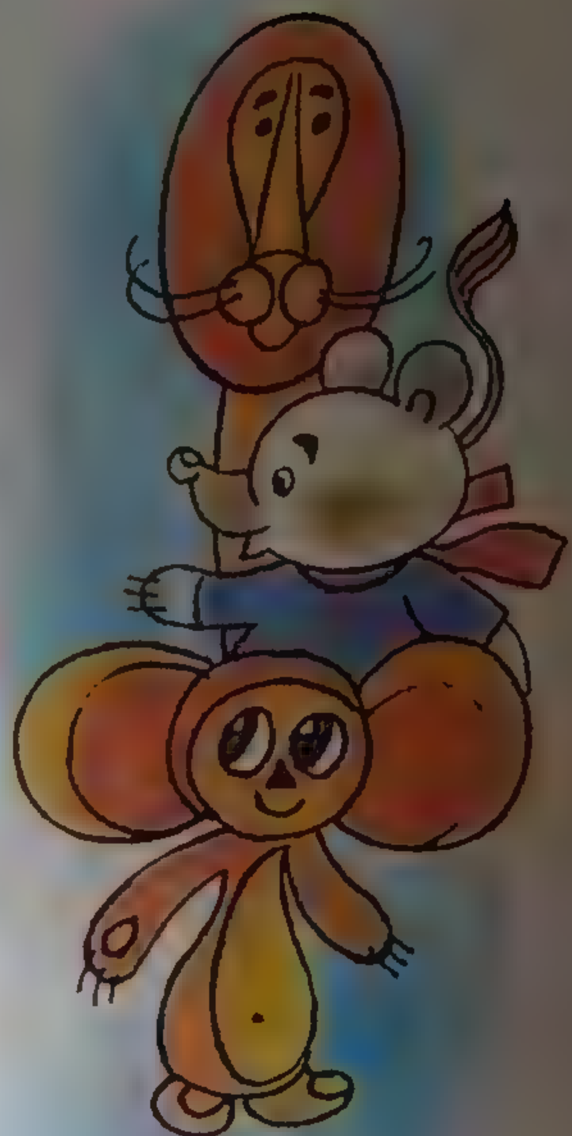
Я возьму
Кастрюлю нашу,
Разогрею
Борщ и кашу.
Будем с куклой
Пить вдвоем
Чай горячий
С пирогом.

Очень славно,
Очень ловко
Поработала
Духовка!
Кто помог ей? —
Спички,
Близнецы-сестрички.
Все — черноголовые,

Все как есть —
Бедовые.
Все как есть —
Бедовые,
К озорству
Готовые.

Чирк — беспечно —
И на спичке
Огонечек аленький.
Смотришь,
Спичка —
Невеличка,
А пожар —
Не маленький!

Вот какие
Спички,
Близнецы-сестрички.
На хозяина
Похожи:
Глуп хозяин —
Спички тоже!
А хозяин —
Не глупец,
А хозяин —
Молодец,
То, конечно,
Молодцы
И сестрички-близнецы!

...усть помнит каждый гражданин
...жарный номер: ноль-один!

Э. Гардернес

СТАРШИЙ БРАТ

Уходит мама на базар
И говорит Сереже:
«За малышами ты следи,
Пожалуйста, построже.

Учи уроки, а они
Пускай играют рядом».
Сережа книгу взял, но он
Забыл заданье на дом.

«Сидите смирно, малыши,
Вернусь через минутку».
Ребята вымыли в тазу
Резиновую утку.

Разлили воду, под комод
Катушку закатили,
В буфете леденцы нашли
И блюдечко разбили.

Прошло, наверно, полчаса,
Сережа не приходит.
Игрушку новую себе
Проказники находят.

«Зажечь сумеешь?» — говорит
Трехлетний брат сестричке.
И протянул ей коробок,
Роняя на пол спички!

Бушует во дворе футбол,
Победе быть за нами!
Вдруг громкий голос вратаря:
«Пожар, ребята, пламя!»

В окне клубами вьется дым,
Пылает занавеска.
Сережа на окно взглянул,
Сорвался с места резко.

«Скорей, скорей, спасать ребят!
Я брошусь в пламя прямо!»
Вбегает в комнату, но там
Уже соседи, мама...

Пожар потушен. У ребят
В ожогах руки, лица.
На скорой помощи сейчас
Их увезут в больницу.

Ребята! Не играйте с огнем и не разрешайте этого своим товарищам!

А. Барто

ГРОЗА

Начинается гроза,
Потемнело в полдень,
Полетел песок в глаза,
В небе — вспышки молний.

Ветер треплет цветники
На зеленом сквере,
В дом ворвались сквозняки,
Распахнулись двери.

Сестры в комнату скорей —
Мамы нету дома.
Может маленький Андрей
Испугаться грома!

Вспыхнул на́ небе пожар,
Сосны зашумели;
Сестры, словно сторожа,
Встали у постели.

Но вполне спокоен брат —
Не заметил молний,
Ручки вытащил и рад,
И лежит, довольный.

В. Сухомлинский

ВОРОБЫШЕК И ОГОНЬ

Старая Воробьиха разрешила наконец вылететь своему маленькому сыни[illegible] гнезда. Порхает Воробышек да все у матери спрашивает: «А что это? А [illegible] кое?»

Объяснила ему мать, что такое земля, трава, деревья, куры, гуси, пруд. Но [illegible] робышек увидал в небе огромный огненный шар и спрашивает:

— А что это такое?

— Это солнце,— отвечает Воробьиха.

— А что такое солнце?— не унимается Воробышек.

— Ну зачем тебе это знать?— ворчливо отвечает мудрая Воробьиха. [illegible] огонь.

— Мне хочется знать, что такое огонь,— зачирикал Воробышек и полетел все вверх и вверх, все к солнцу и к солнцу.

Летел он до тех пор, пока не обжег тоненькие перышки своих крыльев. Испугавшись, он возвратился. Мать ждала его ни жива ни мертва.

— Ну теперь я знаю, что такое огонь,— сказал Воробышек.

Ребята! Будьте осторожны с огнем в лесу и в поле!

Г. Цыферов

ЖИЛ НА СВЕТЕ СЛОНЕНОК

Жил на свете слоненок

Это был очень хороший слоненок. Только вот беда: не знал он, чем ему заняти кем быть. Так все сидел слоненок у окошка, сопел и думал, думал...

Однажды на улице пошел дождь.

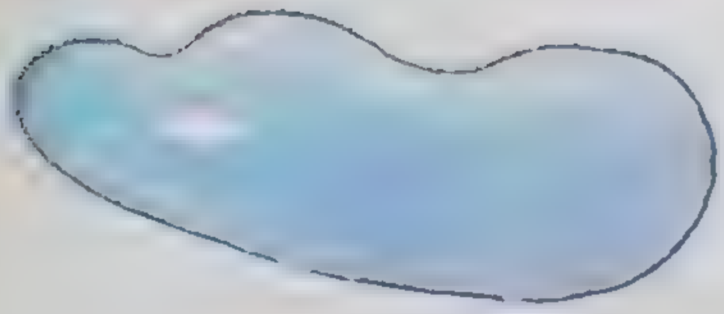
— У-у! — сказал промокший лисенок, увидев в окошке слоненка. — Ушастый какой! Да с такими ушами он вполне может быть зонтиком!

Слоненок обрадовался и стал большим зонтиком. И лисята, и зайчата, и ежата все спрятались под его большими ушами от дождя.

Но вот дождь кончился, и слоненок снова загрустил, потому что не знал, кем же ему все-таки быть. И снова он сел у окошка и стал думать.

Мимо пробегал зайчик.

— О-о! Какой прекрасный длинный нос! — сказал он слоненку.— Вы вполн
или бы быть лейкой!

Добрый слоненок обрадовался и стал лейкой. Он полил цветы, траву, дер
А когда поливать больше было нечего, он очень опечалился.

Ушло на закат солнце, зажглись звезды. Наступила ночь. Все ежата, все лис
все зайчата улеглись спать. Только слоненок не спал: он все думал и думал, ке
ему быть?

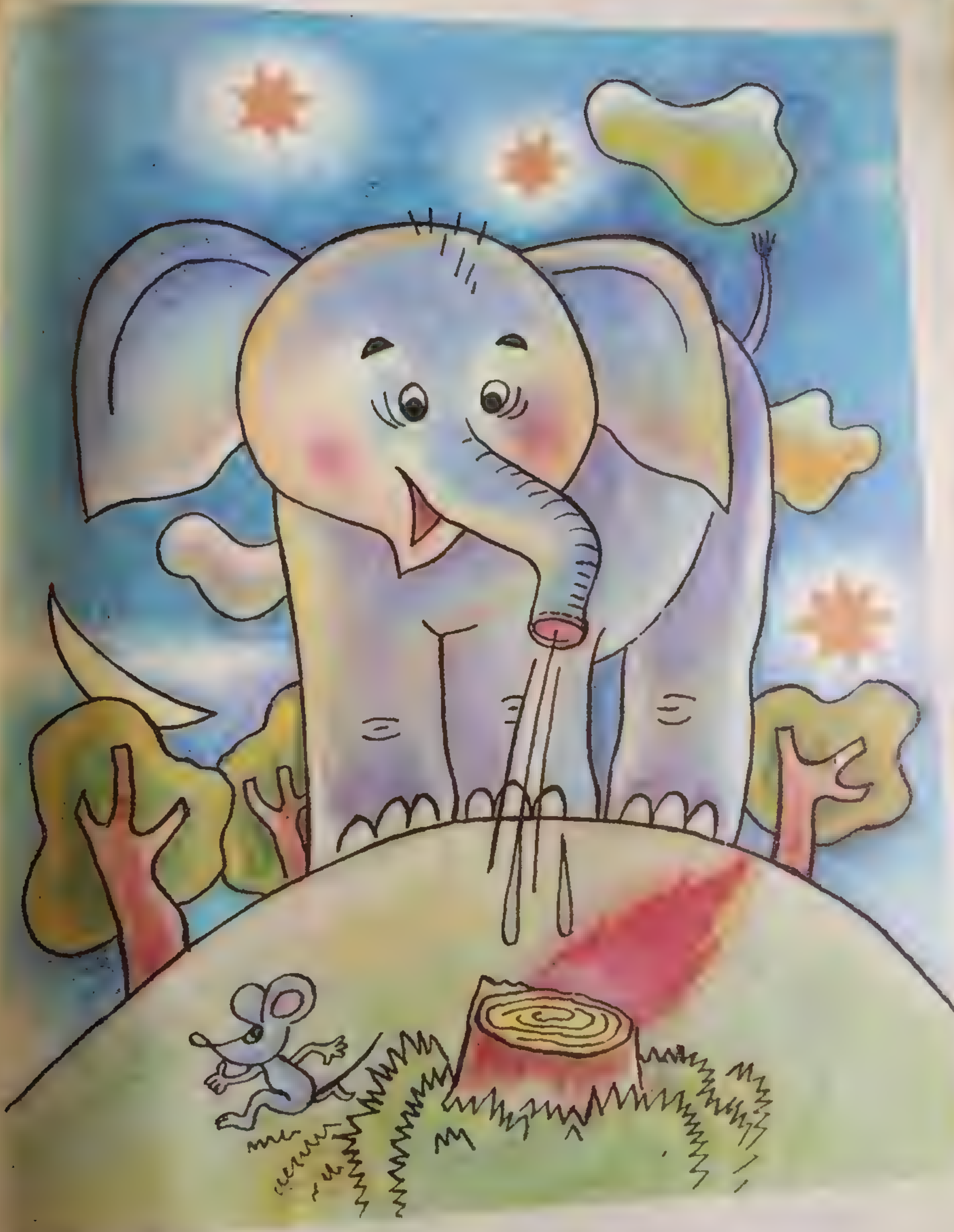
И вдруг он увидел огонь! «Пожар!» — подумал слоненок. Он вспомнил, к[illegible] всем недавно был лейкой, побежал к реке, набрал побольше воды и сразу потуш[illegible] три уголька и горящий пень.

Звери проснулись, увидели слоненка, поблагодарили его за то, что он поту[illegible] огонь, и сделали его лесным пожарником.

Слоненок был очень горд. Теперь он ходит в золотой каске и следит за тем, чт[illegible] в лесу не было пожара.

Иногда он разрешает зайчику и лисенку пускать в каске кораблики.

ЗАЙЧИК

(Мансийская сказка)

Жил-был зайчик. На озерном берегу в осоке постоянно прыгал. Однажды [illegible]бе осокой разрезал. Пошел к огню жаловаться:

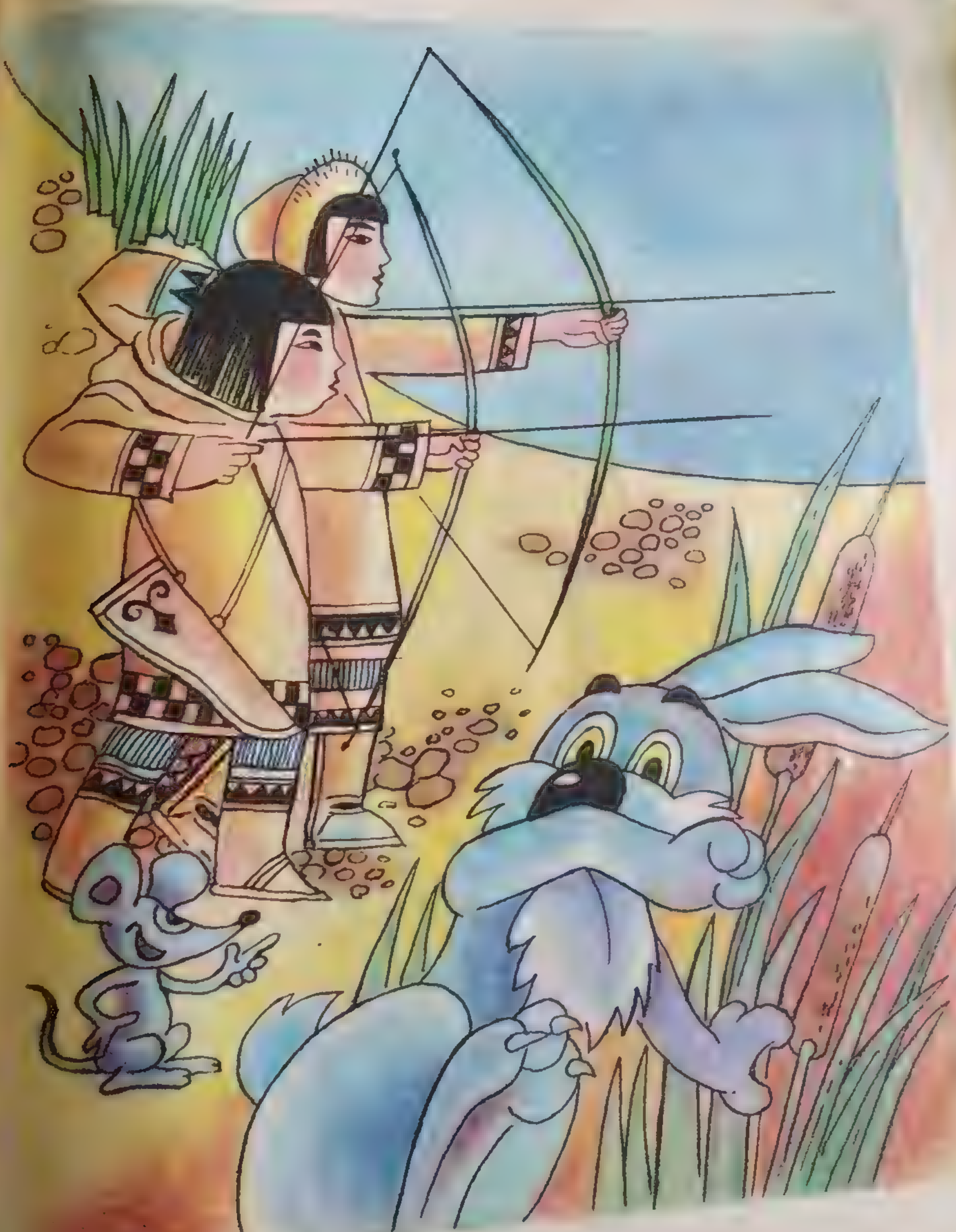
— Огонь, огонь, сожги осоку на озерном берегу!
— Какое зло сделала тебе осока? — спросил огонь.
— Губу мне разрезала,— ответил заяц.
— Уж такое ненасытное брюхо у тебя,— сказал огонь.

Пошел заяц к воде и говорит:

— Вода, вода, прибудь, затуши огонь!
— Какое зло тебе сделал огонь?
— Огонь осоку на озерном берегу не хочет жечь!
— Какое зло тебе сделала осока?
— Губу мне порезала.
— Уж такое ненасытное брюхо у тебя,— сказала вода.

Пошел зайчик к двум мальчикам со стрелами и луками и говорит:

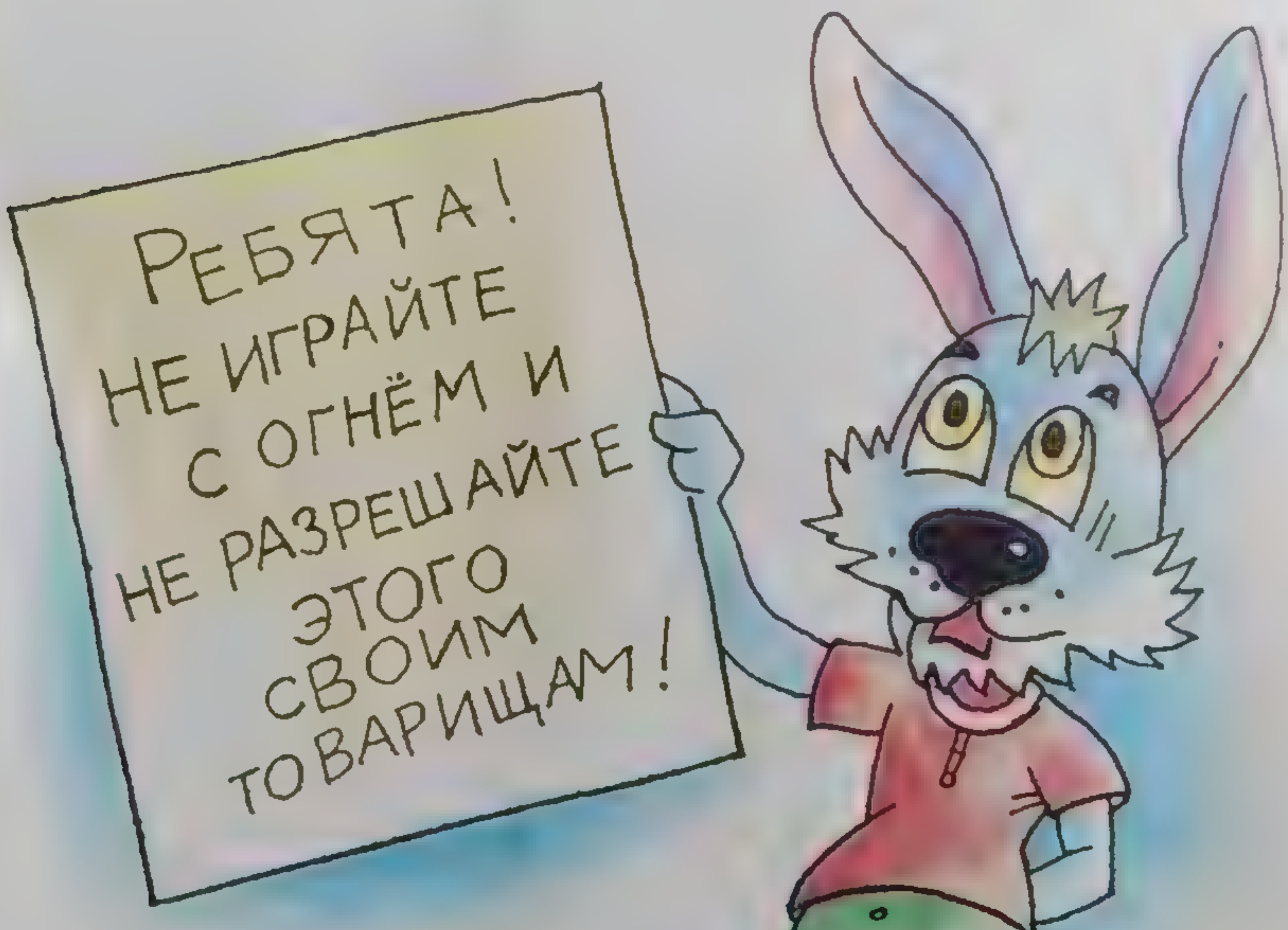
— Дети, дети, стреляйте в воду!
— Какое тебе зло вода сделала?
— Вода не прибывает, огонь не тушит!
— Какое тебе зло огонь сделал?
— Огонь не хочет зажечь осоку на берегу озера.
— Какое тебе зло осока сделала?
— Губу мне порезала!
— Уж такое ненасытное брюхо у тебя,— сказали мальчики.

Пошел зайчик к мышке и говорит:

Мышка, мышка, перегрызи тетиву на луках у мальчиков, чтобы не мо...
стрелять.

Пожалела мышка зайчика, побежала перегрызать тетиву у луков, но не...
Схватили мальчики луки, натянули тетиву и пустили стрелы в воду. Полил...
да и пошла огонь тушить. Испугался огонь, к осоке перебросился. Загорелась...
а в осоке зайчик прыгает. Растерялся зайчик, из огня побежал, уши свои п...
Едва жив остался. Вот и стали с тех пор у зайчика кончики ушей черными.

Е. Пермяк

КАК ОГОНЬ ВОДУ ЗАМУЖ ВЗЯЛ

Рыжий разбойник Огонь пламенно полюбил холодную красавицу Воду. Полюбил и задумал на ней жениться.

Только как Огню Воду замуж взять, чтобы себя не погасить и ее не высушить? Спрашивать стал. И у всех один ответ:

— Да что ты задумал, рыжий? Какая она тебе пара? Ты что? Зачем тебе холодная Вода, бездетная семья?

Затосковал огонь, загоревал. По лесам, по деревням пожарами загулял. Так и носится, только рыжая грива по ветру развевается.

Гулял так Огонь, горевал Огонь да встретился с толковым мастеровым человеком. Иваном его звали.

Огонь в ноги ему пал. Низким дымом стелется. Из последних сил синими языками тлеет. И жалобно-жалобно говорит:

— Ты мастеровой человек, ты все можешь. Хочу я разбой бросить, хочу я своим домом жить. Воду замуж взять хочу, да так, чтобы она меня не погасила и я ее не высушил.

— Не горюй, Огонь. Сосватаю. Поженю.

Сказал так мастеровой человек и стал строить терем. Построил терем и велел свадьбу играть, гостей звать.

Пришла с жениховой стороны огневая родня: тетка Молния да двоюродный брат Вулкан. Не было больше у него родных на белом свете.

С невестиной стороны пришел старший братец Густой Туман, средний брат Косой Дождь и младшая сестричка Воды — Ясноглазая Роса.

Пришли они и заспорили.

— Неслыханное дело ты, Иван, задумал, — говорит Вулкан и пламенем попыхивает.— Не бывало еще такого, чтобы наш огневой род из водяной породы невесту выбрал.

А мастеровой человек отвечает на это:

— Как же не бывало! Косой Дождь с Огневой Молнией в одной туче живут и друг на дружку не жалуются.

— Это все так,— молвил Густой Туман, — только я по себе знаю: где Огонь, где тепло, там я редеть начинаю.

— И я, и я от тепла высыхаю! — пожаловалась Роса.— Боюсь, как бы Огонь мою сестру Воду не высушил!

Тут Иван твердо сказал:

Я такой терем построил, что они будут в нем жить да радоваться. На
и мастеровой человек.

Поверили. Свадьбу играть стали.

Пошла плясать Молния с Косым Дождем. Закурился Вулкан, засверкал
пламенем, в ясных глазах Росы огневыми бликами заиграл. Густой Туман
жничался, на покой в овраг уполз.

Отгуляли гости на свадьбе и восвояси подались.

А мастеровой человек жениха с невестой в терем ввел. Показал каждому
ромы, поздравил молодых и пожелал им нескончаемой жизни да сына-бо
Много ли, мало ли прошло времени, только родила мать Вода от
сына-богатыря.

Хорошим сын богатырем вырос, горяч, как родимый батюшка Огонь. А
дядин: густ и белес, как Туман. Важен и влажен, как родимая матушка Во
лен, как Вулкан, как тетушка Молния.

Вся родня в нем своего кровного узнает. Даже Дождь с Росой в нем себя
когда тот, остывая, капельками на землю оседает.

Хорошее имя дали сыну-богатырю: Пар.

На телегу сядет Пар-богатырь — телега его силой покатится да еще сто др
телег поездом повезет.

На корабль ступит Пар-чудодей — убирай паруса. Без ветра корабль катит
волну рассекает, паровой голос подает, корабельщиков своим теплом греет

На завод пожалует — колеса завертит. Где сто человек работали — одного
тает. Муку мелет, хлеб молотит, ситец ткет, людей и кладь возит — народу пом
гает, мать-отца радует.

И по наши дни живут Огонь с Водой в одном железном котле-тереме. Ни она его
не гасит, ни он ее высушить не может. Счастливо живут. Нескончаемо, широко

Год от года растет сила их сына-богатыря, и слава о русском мастеровом челове-
ке не меркнет. Весь свет теперь знает, что он холодную Воду за жаркий Огонь вый-
ти замуж заставил, а их сына-богатыря нам, внукам-правнукам, на службу поста-
вил.

Б. Борозин

«ПОЕХАЛИ!»

Лететь должен Коммунист — Юрий Гагарин. Проводить его в небывалый полет собрались ученые, конструкторы, инженеры — те, кто создал этот замечательный корабль. Все были очень взволнованы. Каждому хотелось сказать космонавту доброе слово, пожелать удачи.

...В кабине космического корабля было тихо, и все, что осталось там, на Земле, и сама Земля стало чем-то очень далеким.

Взлет! Тысячью голосов взревел двигатель, ракета задрожала...

— Поехали! — крикнул Гагарин.

Те, кто наблюдал со стороны, видели, как из-под ракеты вырвался огненный вихрь. Пламя окутало почти всю ракету. Она медленно, словно раздумывая, лететь или не лететь, оторвалась от бетонной площадки, потом, как бы решив, что надо лететь, рванулась ввысь и в одно мгновение растаяла в голубой дали.

СССР

С. Романовский

ПОДПИСЬ МОЛНИИ

Лес шумел вершинами, а внизу, у корней, у папоротников, [illegible] морском. Алеша с матерью несли тяжелые, с верхом, корзины [illegible] стьями рябины, и сели передохнуть. Сели они на полянке [illegible] сны.

То с этой, то с той стороны, жалуясь на свою жизнь, протяжно ск[illegible] мое дерево.

Алеша ворочал головой на его скрип, и ему чудились слова

— Болит у меня спина.

— Сухое дерево скрипит, — сказала мать. — Жалуется на свою жизнь.

— Почему оно жалуется? — шепотом спросил Алеша.

Мать собралась ответить, но не успела. От вершин и до комлей [illegible] лым жгучим огнем. От грохота и огня Алеша оглох и ослеп, и, не [illegible] страха, побежал куда ни попадя. Он запнулся о корни, упал, поднялся [illegible] опять поднялся и бежал до тех пор, пока его за руку не поймала мать и [illegible] под разлапистое дерево.

Она стянула с себя кофту, закутала в нее Алешу, прижала его к себе [illegible] заслоняя его от дождя и грома с молниями, — большая, теплая и мокрая. И [illegible] же почувствовал себя маленьким — колыбельным, беспомощным и [illegible] ным, когда болеется хорошо и ты лежишь, а вокруг тебя разговаривают [illegible] са, дотрагиваются до твоего лба прохладными ладонями и поят тебя горячим молоком с медом.

А ты все лежишь и оттягиваешь тот благостный и грустный миг вставания, когда все будет таким и не таким: а вместе со вставанием уйдут тишина и внимание к тебе и люди опять станут сами по себе — занятыми и скучными.

Всхлипывая, Алеша прижимался к матери и говорил:

— Мама, ты возьми у меня кофту, а то тебе холодно.

Теперь он слышал, как льется дождь, как наверху гремит гром и отовсюду пахнет промытым, чистым листом и жирной землей.

Мать раскутала Алешу из кофты и близко заглянула ему в глаза. Волосы прилипли к ее лицу и плечам, а глаза стали темнее и глубже.

О. Иоселиани

ПОЖАРНАЯ КОМАНДА

Утром, уходя на работу, папа с мамой велели бабушке не выпускать заболевшего Зазу из дому.

Бабушка уютно устроилась в кресле и взялась за свою толстую книгу. Заза еще спал, когда раздался стук в дверь. Не отрывая глаз от книги, бабушка рассеянно отперла: мимо нее прошмыгнул маленький Гиа и вбежал к Зазе.

— Заза! — позвал он.— Заза, отклой лот, я плинес тебе лекалство!

Только Заза потянулся спросонья и собрался сладко зевнуть, как Гиа забил ему рот какой-то мазью. Заза выпучил глаза и замахал руками: мазь застряла в горле — ни проглотить, ни сплюнуть.

— Воды? — спохватился Гиа. — Сейчас!..

Он напоил друга водой, укрыл одеялом, а сам подтащил к кровати стул, уселся и стал ждать выздоровления. Но другу почему-то стало плохо.

— Ой! — застонал он.— Ой-ой-ой!

Гиа приложил ладонь к его лбу. Лоб вроде бы прохладный, и Гиа беспечно заболтал ногами.

Заза собрался с силами, приподнялся, позвал:

— Бабушка! Худо мне! Ой, бабушка!..

Бабушка заглянула в детскую и с перепугу выронила книгу.

— Что с тобой, внучек?! На тебе лица нет!

Старушка бросилась к телефону, впопыхах набрала две цифры и не своим голосом крикнула:

— Помогите!.. Улица Парусная... Ради бога, скорее!

Через несколько минут с улицы донесся сиплый вой сирены, и во двор въехали машины.

— Сюда! Сюда! Скорее! — бабушка распахнула окно. Увидев под тополями боль-
шие красные машины, она онемела от растерянности. А в распахнутое окно уже
лез пожарник в огромной сверкающей каске. Бабушка пролепетала: «Я не вам...
я «неотложку». Но пожарник, не слушая ее, направил струю воды из шланга. Дру-
гие, еще более ловкие и расторопные пожарники, схватили посиневшего Зазу и пере-
пуганного Гию и прямо через окно по пожарной лестнице спустили во двор. Когда
по пожарной лестнице несли бабушку, старушка громко кричала: «Куда вы меня та-
щите! Я спутала номер!» Но пожарники только понимающе переглядывались.

Ступив на землю, старушка бросилась к детям:

— Внучек, родимый, жив!

— Оба живы, бабуся, зачем так волноваться! — успокоил ее толстый усатый по-
жарник.

Тут появилась нагруженная сумками с провизией тетя Ирина. Она ужасно перепу-
галась при виде красных машин, но соседи ее успокоили: «Все позади, Ирина, доро-
гая. Все хорошо!».

Тетя Ирина с детьми поднялась наверх. За ними взобралась по лестнице бабушка.
На полу, в залитой водой детской, плавала ее толстая книга.

**Пусть помнит каждый гражданин
Пожарный номер: ноль-один!**

КОШКИН ДОМ

(Из русских народных потешек)

Тили-бом! Тили-бом!
Загорелся кошкин дом!
Загорелся кошкин дом,
Идет дым столбом!

Кошка выскочила!
Глаза выпучила!
Бежит курочка с ведром
Заливать кошкин дом,
Но не добежала,
Воду расплескала.

Тили-бом! Тили-бом!
Загорелся кошкин дом,
Бежит уточка с ковшом,
Да ковш уронила,
Воду-то разли́ла.

Тили-бом! Тили-бом!
Загорелся кошкин дом,
Бежит кисонька с горшком,
Залить хочет молоком,
Но не добежала,
Горшок расплескала.

Тили-бом! Тили-бом!
Погорел весь кошкин дом!
Где теперь кошечке жить?

Побежало по кустам,
По березовым листам.

Здравствуй, солнце золотое!
Здравствуй, небо голубое!

Стали пташки щебетать,
За букашками летать.
Стали зайки
На лужайке
Кувыркаться и скакать.

И глядите: медвежата,
Как веселые котята,
Прямо к дедушке мохнатому,
Толстопятые, бегут:
«Здравствуй, дедушка, мы тут!»

Рады зайчики и белочки,
Рады мальчики и девочки,
Обнимают и целуют косолапого:
«Ну, спасибо тебе, дедушка,
за солнышко!»

**Пусть помнит каждый гражданин
Пожарный номер: ноль-один!**

— Озяб? — спросила она.

Алеша шевелил губами и не отвечал.

— С чего бы мне озябнуть-то? — Он собрался с силами и протянул матери кофту, сухую от его тела. — Ты вот озябла так озябла! — говорил Алеша. — Как из реки вышла: вся рубаха к тебе прилипла.

— Ничего, гроза теплая была.

— Теплая, а дрожишь!

— Это я так.

— Ничего не так. Озябла ты, мама.

Мать потянула мокрую рубаху через голову, чтобы переодеться в сухую кофту, и от ее движения сверху, из листовой толщи, полился светлый проливень, попал Алеше за ворот, и мальчик вскрикнул от холодных щекочущих капель, что под рубахой наперегонки покатились по голой спине.

— Потом переоденусь, — сказала мать. — Тут и дом недалеко.

Она набросила кофту на Алешины плечи и попросила:

— Неси пока.

Осторожно они выбрались из-под дерева и пошли туда, где оставили корзины с грибами.

Алеше подумалось, что дождь и не собирался проходить. Повсюду без ветра вздрагивали листья, отягощенные каплями, и время от времени капли дружно обрушивались на землю, словно спешили сказать ей что-то особенно важное и боялись, что за них ей скажет это кто-то другой. А небо в просветах между деревьями было синим и свежим, гроза прошла, и Алеша понимал, что по лесу идет не настоящий дождь, а переговариваются капли на деревьях.

Немного не доходя до корзин с грибами, Алеша и мать остановились. Большая сосна дымилась, от нее пахло горелым, а стояла она целехонька, и огня на ней не было.

Мать обошла сосну кругом и сказала:

— Смотри-ка, Алеша!

Сосна уходила в небо, доставала до облаков, и вверх смотреть было боязно — голова кружилась от такой немыслимой высоты.

— Ты отойди от нее подальше, — посоветовала мать. — И увидишь, где молния расписалась.

Алеша встал в сторонке и увидел сосну всю как есть. Крученый, словно свитый из медных жил, мокрый ствол ее поднимался высоко, ближе к солнцу начинал ветвиться, отпуская веселые ветки, и курился синим дымом, от которого пахло самоваром. Дым шел оттого, что недавно в сосну попала молния, но не прямо, а скользом — скользнула по макушке, ударилась в две сросшиеся ветви, сбила их под самое основание, срезала верхние и нижние, но и себе сшибла рог — распалась надвое и ушла в землю. Вот она — подпись молнии — от вершины и до комля два росчерка на коре, один широкий, обгорелый, а другой тонкий, будто от ножа, в закипающей желтой смоле.

— Сильна небесная гостья,— уважительно сказала мать про молнию,— а дерево сильнее. Оно ее, как колуном, надвое раскололо! На две искры раскинуло. Нет, дерево лучше, не грозит, не пугает, мягкое, а молнии оно покрепче.

— Еще бы не крепче,— рассудил Алеша.— Вон сучок, да над ним сучок. Вот они и молнию переломили. О такое дерево отец топор сломал,— вспомнил Алеша.

— Разве это топор? Хороший топор сам кого хочешь сломает.

— Ничего топор был, не жаловались.

Мать не ответила, подняла с земли обе корзины, свою и Алешину, и удивилась:

— Тяжелы! Мы в них полдождя домой принесем. Ты не поднимай, я одна понесу.

С корзин сбегала дождевая вода. Пахло от них свежо и празднично. Алеша подумал, что особенно хорошо они будут пахнуть в комнате, в домашнем тепле, и радовать отца. Он, как никто другой, любит радоваться всякому приносу из лесу, всякому доброму слову или новости, и от отцовской радости сидеть бы дома и никуда не ходить.

Хорошо сказать — сидеть, а долго ли усидишь? День-два, не больше, а потом позовет тебя лес, поманит, и позабудешь ты все страхи, и побежишь с отцом-матерью, а то и один выйдешь на дальнюю лесную тропинку.

Он такой, этот лес: если ты его полюбил, то и он тебя полюбит и не обидит никогда.

В. Распутин

КОСТЕР

Славное это было место: на сухом взгорке среди елей и кедров.

Под защитой огромного, густо и широко разросшегося кедра и стоял шалаш, крытый корой и ветками и устланный от земли старым лапником и травой.

Рядом чернело кострище, аккуратно и по-хозяйски обустроенное и обложенное камнями, с наготовленным таганком и свисающими с него закопченными березовыми рогульками для котлов. А чуть поодаль, со стороны реки, высоко упавшую лесину сверху затесали и приспособили под стол.

И чисто, обжито было здесь: ни бумаги, ни банок, ни склянок — порядок, заведенный человеком, поддерживала и тайга. Сухие сучья, накиданные ветром, словно приготовлены были для растопки, чтобы не искать ее человеку, и загорелись сразу. Дядя Митяй, распоряжавшийся весело и нетерпеливо, сгонял Саню за водой и, пока нарезали хлеб, пока доставали принесенную еду и раскладывали ее в ряд на длинном и узком постолье, пока то да се,— чай был готов. Пили его после трудной дороги всласть и, попив, разморились, осоловели от сытости, от густо и недвижно стоящего воздуха и усыпляющего бульканья воды в речке. Потянуло отдохнуть. Позевывая, дядя Митяй позволил:

— Ладно, полчаса на отлежку — самое то. Только чтоб ни одна нога не хрумкала. Успеем, наломаемся.

Он лег подле затихавшего костра, подложив под голову шапку и подстелив под себя телогрейку, которая зимовала и летовала у него здесь не один уже год.

А Саня сидел у лесины, где пили чай, на камне и, расслабившись, безвольно и дремотно, смотря и не видя, слушая и не слыша, открылся для всего, для всего, что было вокруг: для широкой заболоченной низины за речкой, сплошь заросшей голубичником и размеченной корявыми березками; для низкого неба, начинающего постепенно натекать какой-то мутной плотью; для приглушенных и зыбких звуков, доносящихся, как неверное эхо, из глубины переполненного тишиной мира. И все это вливалось, входило, вносилось нароком и ненароком в забывшегося в сладкой истоме мальчишку. Все это заворожило и обморило его до того, что захотелось застыть здесь, как истукану, и никуда не двигаться...

Баланов

КОСТЕР

Папа с Димой сидели у костра. Папа смотрел на огонь. Дима бросал в костер хворост и траву. Вот он сунул в костер прутик.

— Дай огня, костер!

Прутик не загорался.

— Пап, ну почему он не дает огня?

— А ты вежливо попроси,— улыбнулся папа.

— Костер, дай огонька, пожалуйста! — попросил Дима.

И вот прутик вспыхнул! Желтый огонь быстро добежал до конца.

— Ой! — вскрикнул Дима и выронил горящий прутик.— Больно!

Папа подул на обожженный палец сына.

— Огонь злой, да, папа? — спросил Дима.

— Огонь никакой. Ты сам виноват, что сунул прутик в костер. Часто люди свои ошибки сваливают на других. И говорят, что огонь виноват, ветер или вода виноваты...

— А кто?

— Ну кто, люди, конечно. Они за все отвечают. У хороших людей огонь добрый. А у людей плохих или равнодушных огонь злым делается. Много тогда вреда приносит.

Дима подбросил хворост в костер. Огонь весело запрыгал по веткам.

— В прошлом году,— рассказывал папа,— здесь недалеко туристы развели костер и ушли. Огонь не погасили. Много тогда сгорело леса и зверей погибло. Плохие люди те туристы, и огонь у них злым оказался! Вот так, сынок. Будем мы с тобой думать не только о себе, тогда и огонь у нас добрым будет. И ветер, и вода.

Л. Толстой

ПОЖАР

(Быль)

В жнитво мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее садились мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцем и заснула.

Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на свясла [1]. Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и он только что выучился ходить), и сказала:

— Глянь, Килюска, какую я печку вздула.

Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу. Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал; Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала.

Старший мальчик, Ваня (ему было восемь лет), был на улице. Когда он увидал, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым проскочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка спросонков ошалела и забыла про детей, выскочила и побежала по дворам за народом. Маша тем временем сидела под лавкой и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня услыхал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше:

— Беги, сгоришь!

Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти. Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть. Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжел и не давался брату. Он плакал и толкал Ваню. Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну, дверь в избе уже загорелась. Ваня просунул мальчикову голову в окно и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их.

Тогда Ваня закричал Маше:

— Тащи его за голову!

А сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили.

---

[1] Соломенные жгуты, чтобы вязать снопы. (*Примеч. Л. Н. Толстого*)

ПОЖАРНЫЕ СОБАКИ

(Быль)

Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть.

Для этого в Лондоне[1] приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными, и когда загорится дом, то пожарные посылают собак вытаскивать детей.

Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей, ее звали Боб.

Один раз загорелся дом. И, когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба.

Боб побежал по лестнице и скрылся в дыме. Через пять минут он выбежал из дома и в зубах за рубашонку нес девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива.

Пожарные ласкали собаку и осматривали ее — не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные подумали, что в доме еще есть что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и скоро выбежала с чем-то в зубах.

Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую куклу.

---

[1] Лондон — главный город у англичан. (*Примеч. Л. Н. Толстого*)

С огнем не шути! Сгореть можно.
С огнем обращайся очень осторожно!

О. Смирнов

СТЕПНОЙ ПОЖАР

Тучи дыма висели в воздухе, голубое небо словно закоптилось. Огонь все ближе подбирался к стойбищу. Он стлался по земле, забегал по высокому стеблю или кусту, перепрыгивал через ложбинки. Стойбище, как раз на случай пожара, было специально опахано плугом. Но ветер сегодня выдался слишком сильным, и пламя перемахнуло через вспаханную полосу.

Вспыхнул клок овечьей шерсти, зацепившейся за куст. Пламя полезло вверх по березовым жердям, перекинулось на телегу, а оттуда на юрту.

Заметив, что загорелась юрта, Хандама отвернулась, сгорбилась. Ей стало совсем страшно. А Намжил не мог оторвать взгляда: огонь извивался над юртой, валил черно-бурый дым от горящего войлока. Рухнул, прогорев, верх юрты, и Намжил не выдержал, заплакал. Он еще долго оборачивался и долго шмыгал носом.

Скот гнали падью к речке. Справа отару охраняли Хандама и сын, слева — пес; Жигжитов с обычным непроницаемым лицом ехал позади. Овцам была открыта одна дорога — к воде. И они бежали туда, торопясь, толкая друг друга. Какая-нибудь овца спотыкалась, падала, и на нее наступали сотни копыт...

Раздавались блеяние, мычание, крики, ржание, лай. Было жарко от непрерывного движения и близко подступающего огня. Пожар шел следом: по пади — медленнее, по сопкам, сдавливавшим падь своими боками, — быстрее, обгоняя. Люди и животные оказались в огненном полукольце.

Речка показалась неожиданно, за поворотом, падь упиралась в нее почти под прямым углом. Собственно, это была не речка, а ручеек — мелкий, метра два шириной. Передние овцы остановились было на берегу, но взвилась урга [1], задние нажали — и отара вошла в воду, сразу взбаламутив ее.

На той стороне Хандама, не выпуская ягненка из рук, устало опустилась на траву. Но Жигжитов взмахнул рукой, и овец погнали дальше. Хандама поняла: муж боится, что огонь переберется через речку, и хочет отогнать отару еще. Кряхтя, она поднялась и пошла, как и раньше, справа от овец.

— И зачем еще кочевать? Сюда огонь не достанет, — проворчала она, но, обернувшись, умолкла: ветер перебросил искры через речку, и трава горела уже на этом берегу.

Спустя час добрались до другой речки. Вот тут пожар уже не пройдет.

---

[1] Урга — кнут для погонщиков скота

Б. Житков

ПОЖАР В МОРЕ

Один пароход шел в море с грузом угля. Еще три дня надо было пароходу идти до места. Вдруг к капитану прибежал механик из машинного отделения и сказал:

— Нам попался очень плохой уголь, он сам загорелся у нас в трюме.

— Так заливайте его водой! — сказал капитан.

— Поздно! — ответил помощник капитана.- Очень разгорелось. Это все равно что лить воду на горячую плиту. Будет столько пару, как в паровом котле.

Капитан сказал:

— Тогда закупорьте помещение, где горит уголь, так плотно, чтобы было как в закупоренной бутылке. И огонь потухнет.

— Постараюсь! — сказал помощник капитана и побежал распорядиться.

А капитан повернул пароход прямо к берегу в ближайший порт. Он дал в этот порт телеграмму по радио: «У меня загорелся уголь. Полным ходом иду к вам». А оттуда ответили: «Держитесь, сколько можете. Помощь идет».

Все на пароходе знали, что у них загорелся уголь, и старались кто как мог закупорить этот уголь так, чтоб к нему не прошел воздух. Но уже нагрелась стенка, которая отделяла уголь. Все уже знали, что вот сейчас огонь вырвется наружу и будет страшный пожар.

А с моря пришли по радио телеграммы с трех спасательных пароходов, что они спешат на помощь полным ходом.

Помощник капитана влез на мачту, чтобы с высоты скорей увидеть, где пароходы. Пароходов долго не было видно, и матросы уже думали, что придется спустить шлюпки и уехать с парохода.

Вдруг вырвалось из трюма пламя и поднялся такой пожар, что к шлюпкам нельзя было пройти. Все в ужасе закричали. Не испугался только помощник капитана, который стоял на мачте.

Он показывал вдаль рукой. И все увидали, что там, вдали, к ним спешат три парохода. Люди обрадовались, бросились тушить пожар сами, как могли. А спасательные пароходы как подошли, так столько пожарных машин пустили в ход, что скоро потушили весь пожар.

Потом увели пароход в порт, а в порту его починили, и через месяц он пошел дальше.

ПОЖАР

Петя с мамой и сестрами жил на верхнем этаже, а в нижнем этаже жил учитель. Вот раз мама пошла с девочками купаться. А Петя остался один стеречь квартиру.

Когда все ушли, Петя стал пробовать свою самодельную пушку. Она была из железной трубки. В середину Петя набил пороху, а сзади была дырочка, чтобы зажигать порох. Но сколько Петя ни старался, он не мог никак поджечь. Петя очень рассердился. Он пошел в кухню. Наложил в плиту щепок, полил их керосином, положил сверху пушку и зажег: «Теперь небось выстрелит!»

Огонь разгорелся, загудел в плите — и вдруг как бахнет выстрел! Да такой, что весь огонь из плиты выкинуло.

Петя испугался, выбежал из дому. Никого не было дома, никто ничего не слыхал. Петя убежал подальше. Он думал, что, может быть, все само потухнет. А ничего не потухло. И еще больше разгорелось.

Учитель шел домой и увидал, что из верхних окон идет дым. Он побежал к столбику, где за стеклом была сделана кнопка.

У пожарных зазвонило. Они скорей бросились к своим пожарным автомобилям и помчались во весь дух. Они подъехали к столбику, а там учитель показал им, где горит. У пожарных на автомобилях был насос. Насос начал качать воду, а пожарные стали заливать огонь водой из резиновых труб. Пожарные приставили лестницы к окнам и полезли в дом, чтобы узнать, не осталось ли в доме людей. В доме никого не было. Пожарные стали выносить вещи.

Петина мама прибежала, когда вся квартира была уже в огне. Милиционер никого не пускал близко, чтобы не мешали пожарным. Самые нужные вещи не успели сгореть, и пожарные принесли их Петиной маме.

А Петина мама все плакала и говорила, что, наверное, Петя сгорел, потому что его нигде не видно.

А Пете было стыдно, и он боялся подойти к маме. Мальчики его увидели и насильно привели.

Пожарные так хорошо потушили, что в нижнем этаже ничего не сгорело. Пожарные сели в свои автомобили и уехали назад. А учитель пустил Петину маму жить к себе, пока не починят дом.

ДЫМ

Никто этому не верит. А пожарные говорят:

— Дым страшнее огня. От огня человек убегает, а дыму не боится и лезет в него. И там задыхается. И еще — в дыму ничего не видно. Не видно, куда бежать, где двери, где окна. Дым ест глаза, кусает в горле, щиплет в носу.

И пожарные надевают на лицо маски, а в маску по трубке идет воздух. В такой маске можно долго быть в дыму, но только все равно ничего не видно.

И вот один раз тушили пожарные дом. Жильцы выбежали на улицу. Старший пожарный крикнул:

— А ну, посчитайте, все ли?

Одного жильца не хватало.

И мужчина закричал:

— Петька-то наш в комнате остался!

Старший пожарный послал человека в маске найти Петьку. Человек вошел в комнату.

В комнате огня еще не было, но было полно дыму. Человек в маске обшарил всю комнату, все стены и кричал со всей силы через маску:

— Петька, Петька! Выходи, сгоришь! Подай голос!

Но никто не отвечал. Человек услышал, что валится крыша, испугался и ушел. Тогда старший пожарный рассердился:

— А где Петька?

— Я все стены обшарил,— сказал человек.

— Давай маску! — крикнул старший.

Человек начал снимать маску. Старший видит: потолок уже горит. Ждать некогда.

И старший не стал ждать; окунул рукавицу в ведро, заткнул ее в рот и бросился в дым.

Он сразу бросился на пол и стал шарить. Наткнулся на диван и подумал: «Наверное, он туда забился, там меньше дыму».

Он сунул руку под диван и нащупал ноги. Старший пожарный схватил их и потянул вон из комнаты.

Он вытянул человека на крыльцо. Это и был Петька. А пожарный стоял и шатался. Так его заел дым.

А тут как раз рухнул потолок, и вся комната загорелась.

Петьку отнесли в сторону и привели в чувство. Он рассказал, что со страху забился под диван, заткнул уши и закрыл глаза. А потом не помнит, что было.

А старший пожарный для того взял рукавицу в рот, что через мокрую тряпку в дыму дышать легче.

После пожара старший сказал пожарному:

— Чего по стенам шарил? Он не у стенки тебя ждать будет. Коли молчит, так значит задохнулся и на полу валяется. Обшарил бы пол да койки, сразу бы и нашел.

Д. Орлова

КАК СТОБЕД ХОТЕЛ ИСПУГАТЬ ВОЛКА, А САМ ЧУТЬ НЕ СГОРЕЛ

Однажды Марфа Ивановна сказала Стобеду:

— Побудь немного один, мне надо пойти по делам. Вот тебе бумага, краски, кисточка; если хочешь, рисуй. Надоест рисовать, построй дом из кубиков или посмотри книжку с картинками.

Стобед взялся рисовать космический корабль, но только размазал краски по бумаге. Стал ставить кубики друг на друга, чтобы получилась башня, но все у него разваливалось, потому что он громоздил большие кубики на маленькие. Книжка ему тоже не понравилась, и он от нечего делать стал смотреть в окно. Но на улице не было ничего интересного: шел дождь, прохожие прятались под зонтиками, никто из знакомых детей не гулял.

— Ах, как хорошо было летом в саду! — вспомнил Стобед и вдруг решил:

— Устрою в комнате сад! И даже лес!

Он стал быстро стаскивать с подоконников горшки с цветами и расставлять их на полу, притащил из передней мохнатый зеленый коврик и подумал: что бы еще сделать? Конечно, поселить в лесу зверей! Он порылся в ящике с игрушками, но нашел только маленькую белочку и серого пластмассового волка с высунутым языком.

Белочку он примостил между ветками герани, а волка поставил под горшком с большим колючим столетником, похожим на елку.

Довольный своей работой, Стобед сел на пол и стал представлять себе, будто он заблудился в лесу и на него хочет напасть волк. Чем защититься? Ружья нет, даже палки никакой нет... И тут Стобед вспомнил, что Марфа Ивановна рассказывала ему сказку про мальчика, который жил в деревне и в школу ходил через лес. И вот однажды зимним вечером, когда он шел один лесом, к нему стал подкрадываться волк. У мальчика, конечно, тоже не было никакого оружия, в его сумке лежали только школьные тетрадки да коробок спичек, который его просили передать маме. И вот он стал вырывать листки тетрадки, поджигать их и бросать под ноги волку. Волк каждый раз пугался и, взвыв, отскакивал. Так мальчик благополучно вышел из лесу, вот только загубленной тетрадки ему было очень жаль...

— А у меня даже не тетрадка, а пустой листок,— подумал Стобед, схватил со стола бумагу для рисования и побежал на кухню за спичками.

Конечно, он знал, что со спичками играть нельзя, ему Марфа Ивановна не раз это говорила. Она даже на всякий случай спрятала их повыше на полку. Но Стобед решил, что один разок одну спичечку зажечь можно.

Он подставил скамейку, влез на нее, достал коробок, поджег бумагу и бросил ее в сторону игрушечного волка. Горящая бумага упала на коврик, и он мгновенно загорелся. Языки пламени изогнулись, подпрыгнули и побежали вверх по шторам, перекинулись на книжную полку, с нее — на шкаф. Комната наполнилась дымом и гарью, стало трудно дышать. На Стобеде вспыхнула курточка. Он в ужасе закрыл глаза, а лицо и грудь обожгла такая боль, что он вскрикнул и упал...

Пламя, как разъяренный огненный зверь, уже подбиралось к нему, чтобы накрыть совсем. И, наверное, сгорел бы наш Стобед, если бы в этот момент не вернулась Марфа Ивановна. Она быстро сняла пальто, набросила его на Стобеда и кинулась к телефону вызывать пожарную команду и «Скорую помощь».

Пока пожарные тушили огонь, поливая из шлангов полы и стены, доктор в другой комнате приводил в сознание бедняжку Стобеда.

В больнице Стобеда лечили очень долго, теперь, наконец, ему стало лучше. Но открыть глаза ему все еще трудно, и, когда доктор подходит к его кровати, он, прежде чем сказать «здравствуйте», говорит: «Никогда не буду больше играть со спичками»...